

В.А. Салимовский

Избранные главы из монографии «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении»

Выходные данные: *Салимовский В. А. 2002. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Изд-во Перм. ун-та: Пермь. 236 с.*

Оглавление (внимание! в оглавлении приведены только те главы, которые включены в файл!)

/.../

РАЗДЕЛ I. Жанроведение в его отношении к функциональной стилистике..... 2

Глава 1. Есть ли у жанроведения границы в пределах коммуникативной лингвистики?..... 2

Глава 2. Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи 14

РАЗДЕЛ II. Жанры речи как функционально-стилистический феномен (вопросы теории)..... 26

Глава 3. Жанры речи и технологическая грань культуры..... 26

Глава 4. К экспликации понятия жанрового стиля..... 46

/.../

БИБЛИОГРАФИЯ..... 65

Раздел I

Жанроведение в его отношении к функциональной стилистике

Глава 1

О границах жанроведения в пределах коммуникативной лингвистики

Определение М.М. Бахтиным речевого жанра как относительно устойчивого типа высказывания (целостной единицы речевого общения, границы которой заданы сменой говорящих), очевидно, предполагает, что *объектом* жанроведения следует считать высказывание (текст) в его типологических характеристиках. Это положение, в общем верное, нуждается, однако, в уточнении, поскольку жанры речи неотъемлемы от типов речевого взаимодействия в конкретных его условиях. «Всякое высказывание, – писал М.М. Бахтин (1929), выражая свое кредо в области теории жанров речи, – как бы оно ни было значительно и закончено само по себе, является лишь моментом непрерывного речевого общения (жизненного, литературного, познавательного, политического). Но это непрерывное речевое общение, в свою очередь, является лишь моментом непрерывного всестороннего становления данного социального коллектива» (Бахтин, 1993в, с. 105). Из этой мысли, принципиальной для бахтинской философии языка, вытекает, что объект жанроведения не имеет строгих очертаний, что он не ограничен высказыванием (текстом) как таковым, но выходит в область собственно коммуникации, социального речевого взаимодействия говорящих.

Неудивительно поэтому, что теория жанров речи разрабатывается в недрах целого ряда направлений современной коммуникативно-функциональной лингвистики и шире – гуманитарного знания: в лингвистической антропологии, социолингвистике, лингвопрагматике, когнитологии, в лингвистике текста, стилистике, риторике, поэтике, в культурологии, этнографии и др. (Paltridge, 1997, с. 9-46).

Формируясь как особое направление исследований, жанроведение сталкивается с общими для лингвистических дисциплин коммуникативного цикла трудностями определения своего специфического предмета, своей проблематики. Это прежде всего трудности выявления комплекса системообразующих идей данного научного направления, которые могли бы лечь в основу дисциплинарной парадигмы и тем самым наметить особую исследовательскую программу, интегрирующую сосуществующие в этой области частные подходы.

В поисках этих идей многие отечественные и зарубежные филологи обращаются к наследию М.М. Бахтина. Но работа эта только начата, поэтому анализ базовых понятий жанроведческой концепции ученого в контексте его научно-философской доктрины представляется весьма актуальным.

Изучая характер бахтинского мировосприятия, В.Е. Хализев отмечает, что на протяжении всего творческого пути Бахтин сохранял духовную причастность той нравственной философии, которая выражена в его исследованиях первой половины 1920-х гг. («К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности»), хотя в дальнейшем и вынужден был воплощать скорее частные, чем доминантные аспекты своего мировоззрения. «Ситуация Бахтина (как и многих его соотечественников-современников) – это горестный уход в молчание о важнейшем и глубинном» (Хализев, 1991, с. 11).

Стержневая идея указанных бахтинских работ – ответственная причастность человека к окружающему бытию. Философ ищет способ преодоления «неслиянности культуры и жизни» и находит его в *индивидуально-ответственном поступке*. Эта категория призвана снять противоречие направленности акта человеческой деятельности в объективное единство культурной области, с одной стороны, и в неповторимую единственность переживаемой жизни – с другой. Участное мышление и поведение личности осуществляется в конкретных жизненных условиях, с ее единственного места (Бахтин, 1994а, с.

12, 49 и др.). Поступок обладает *эмоционально-волевым тоном*, который «обтекает все смысловое содержание мысли в поступке и относит его к единственному бытию-событию» (Указ. соч., с 36). Личностная утверждающая активность всегда преднаходит что-то уже оцененное и упорядоченное предшествующими этическими поступками – практически-житейскими, социальными, политическими и др. (Бахтин, 1994б, с. 277). Разновидностям ответственного поступка – этике художественной, политической и религиозной деятельности – М.М. Бахтин, как известно, предполагал посвятить обширный труд (Бахтин, 1994а, с. 52).

Уже этот перечень некоторых ключевых положений нравственной философии Бахтина приводит к выводу, что позднее ученый исходил из них в своей генологической теории, но развивал их теперь преимущественно с конкретнонаучных позиций – литературоведческих и лингвистических.

Отзвук этих представлений ощутим в определении Бахтиным высказывания как активной позиции говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере (1979, с. 263), в экспликации понятия 'целостности' высказывания. Так, в работах первой половины 1920-х гг. ученый писал о *цельности поступка*, усматривая ее во взаимопроникновении объективного смыслового содержания мысли и индивидуально-исторического акта деятельности, совершаемого единственным человеком в определенное время и в определенных условиях (в контексте «неповторимого момента событийности»). Значительно позднее в работе «Проблема речевых жанров» (1952 – 1953 гг.) Бахтин, исследуя *цельность высказывания* и отмечая, что она определяется прежде всего речевым замыслом говорящего, писал: «Этот замысел – субъективный момент высказывания – сочетается в неразрывное единство с объективной предметно-смысловой стороной его, ограничивая эту последнюю, связывая ее с конкретной (единичной) ситуацией речевого общения, со всеми индивидуальными обстоятельствами его, с персональными участниками его, с предшествующими их выступлениями – вы-

сказываниями» (разрядка наша. – В.С.) (Бахтин, 1979, с. 256). Лингвистически истолковываются в этой статье и представления об активной установке сознания, эмоционально-волевом тоне: они воплощены в оригинальной концепции жанровой экспрессии (Бахтин, 1979, с. 263-270).

Содержащаяся в ранних работах Бахтина мысль о преднаходимости творческому акту чего-то уже оцененного, по отношению к чему он теперь должен занять свою ценностную позицию, потенциально заключала в себе идею взаимодействия смысловых позиций, раскрывающую важнейший аспект диалогичности. Вот как эта мысль развивается в статье «Проблема речевых жанров»: «Предмет речи говорящего, каков бы ни был этот предмет, не впервые становится предметом речи в данном высказывании, и данный говорящий не первый говорит о нем. Предмет, так сказать, уже оговорен, оспорен, освещен и оценен по-разному, на нем скрещиваются, сходятся и расходятся разные точки зрения, мировоззрения, направления. Говорящий – это не библейский Адам, имеющий дело только с девственными, еще не названными предметами, впервые дающий им имена... Мировоззрение, направление, точка зрения, мнение всегда имеют словесное выражение. Все это – чужая речь (в личной или безличной форме)... Высказывание обращено не только к своему предмету, но и к чужим речам о нем» (Бахтин, 1979, с. 274).

Глубинный интерес Бахтина к этике искусства, науки, других областей духовной культуры, проявившийся в его исследованиях первой половины 1920-х гг., несколько лет спустя обнаружил себя в объединении вопросов теории жанров речи с проблематикой «наук об идеологиях» (т.е. о разновидностях духовного творчества) (Бахтин, 1993а, с. 84-91; 1993б, с. 8-9 и др.; 1993в), а в дальнейшем, уже без обращения к социологическому методу, – в акцентировании мысли о детерминированности речевых жанров условиями и целями различных сфер человеческой деятельности (Бахтин, 1979, с. 237 и др.).

Как видим, в работах Бахтина гносеологические (объективно-смысловые, субъективно-ценностные) и диалоговые аспекты изучения мышления и речи образуют неразделимое единство. Это взаимосвязанные стороны конкретно-научного воплощения исходных мировоззренческих позиций философа и ученого, его установки на обоснование «ценностей общения и единения как неких доминант человеческого бытия» (Хализев, 1991, с. 12).

Наиболее значимые для лингвистической теории проблемы диалогичности, законов преломления бытия в тексте, специфики этих законов в различных областях духовной культуры, принципов типологии высказываний и другие образуют в наследии Бахтина единый комплекс. В ходе их исследования был выработан широкий круг взаимосвязанных представлений, пограничных для лингвистики, психологии, социологии, эстетики.

Это дает основания утверждать, что идеи Бахтина обладают значительным потенциалом для синтеза различных подходов в жанроведении и шире – в коммуникативной лингвистике. Очень разные, казалось бы, по своим задачам концепции, будучи соотнесенными с широким кругом идей внутренне цельного бахтинского наследия, предстают как вполне совместимые и дополняющие друг друга.

Рассмотрим с этой точки зрения исследования двух основных направлений, сложившихся к настоящему времени в отечественной лингвистической генологии. Одно из них опирается на представления, сближающие жанроведческие работы Бахтина с теорией речевых актов. Другое – внутренне дифференцированное – основывается на тех мыслях ученого, которые созвучны современным социолингвистическим подходам к изучению текстовой деятельности. Проведенное разделение, конечно, не лишено элемента условности, поскольку во многих исследованиях развиваются положения не одного, а нескольких течений современной лингвистики (и смежных отраслей знания), однако преобладающая

связь с теми или иными научными традициями обычно прослеживается вполне отчетливо.

Импульс к разработке первого из названных направлений дала статья А. Вежбицкой «Речевые жанры» (1983), где теория «семантических примитивов» применена к типологизации универсуума речи. Центральной в этой работе является поставленная Бахтиным проблема единой методологии описания речевых жанров с учетом их крайней разнородности. Исходными же теоретическими положениями служат ключевые представления теории речевых актов (имеющие, впрочем, некоторые соответствия в работах Бахтина – Вежбицка, 1997, с. 109; Федосюк, 1997, с. 105-108) об иллокутивной силе как основном элементе речевого акта, о коммуникативной (иллокутивной) цели – наиболее важном компоненте иллокуции, о лексической выделенности конкретным языком специфической для него системы актов речи.

В литературе отмечалось, что предложенная А. Вежбицкой модель речевого жанра в виде интегрированного пучка элементарных иллокутивных компонентов весьма абстрактна, что она, сближаясь с дефиницией семантики слова, обозначающего жанр, элиминирует из научного аппарата синтактику последнего (Дементьев, Седов, 1998, с. 28; Мишланов, 1999, с. 18-19). Чем же объясняются эти особенности жанровой модели А. Вежбицкой?

В проблеме форм использования языка (Бахтин, 1979, с. 237; Витгенштейн, 1994, с. 90-91) А. Вежбицка выделяет и акцентирует таксономический аспект. При таком подходе речевой жанр (его иллокутивная сторона), рассмотренный как элемент классификационной системы, естественно, должен быть представлен в виде пучка признаков, присущих высказываниям (текстам) одного жанра, в отличие от высказываний других жанров. Из этого видно, что своеобразие данной жанровой модели определяется целью исследования – установкой на выявление структурных отношений между иллокутивными актами (речевыми

жанрами). Вместе с тем эта модель может быть истолкована и как описание начального этапа процесса текстопорождения (Мишланов, 1999, с. 19).

Таким образом, в работах А. Вежбицкой (см. также: Вежбицка, 1986) обосновывается один из возможных подходов к фундаментальной проблеме систематизации способов использования языка. Естественно, что эта концепция жанров речи не может претендовать на универсализм, ее достоинства определяются прежде всего вкладом в разработку указанной проблемы.

При изучении речевых жанров иллокутивный аспект является ведущим или одним из основных в работах Н.Д. Арутюновой (1992), Е.А. Земской (1988), М.Ю. Федосюка (1996; 1997), Т.В. Шмелевой (1990; 1997а), О.С. Иссерс (1999, с. 72-78), Н.В. Орловой (1997), Тарасенко (1999) и др.

Концепция Т.В. Шмелевой развивает бахтинские идеи, связанные с пониманием жанра речи как особой модели высказывания (Шмелева, 1997а, с.90). Исходными в этой концепции являются также представления теории речевых актов об определяющей роли иллокутивной цели в типологизации единиц речевого общения, о наличии в самом языке естественной номенклатуры жанров в виде глаголов и имен речи (1990, с. 23, 24-25).

Параметры предложенной Т.В. Шмелевой жанровой модели – коммуникативная цель, концепция автора, концепция адресата, образ коммуникативного прошлого, образ коммуникативного будущего, тип событийного содержания, формальная организация, – с одной стороны, могут рассматриваться как результат изучения вопроса об измерениях иллокутивных актов (ср.: Серль, 1986), а с другой (что, на наш взгляд, очень важно) – включаются в более общую проблематику экстралингвистических основ текстовой деятельности.

Характеризуя подход Т.В. Шмелевой к изучению жанров речи, нельзя не отметить, что генологическая теория трактуется этим автором как один из разделов общей теории речевой коммуникации – *речеведения*. В составе этой фор-

мирующей науки (Кожина, 1966; 1998) данному разделу отводится особая роль: он должен «завершать здание речеведения, поскольку жанр несет в себе, как в капле воды, всю ситуацию речи, включая образ автора и образ адресата, память сферы, зависимость от фактуры текста, в котором он бывает воплощен, – вплоть до отбора языковых средств» (Шмелева, 1996, с. 11). При этом, как подчеркивает Т.В. Шмелева (1997б, с. 309), вопросы теории речевых жанров сплетены в неразрывное единство с другими проблемами анализа речевой коммуникации, что говорит об отсутствии четкой демаркационной черты между генологией и другими речеведческими дисциплинами.

Обратимся теперь к анализу тех исследований в жанроведении, которые в той или иной мере носят социологический характер. Важную опору эти исследования находят в работах Бахтина второй половины 1920-х гг. Особый акцент при этом делается на представлениях ученого о «речевых жизненных жанрах», о «житейской идеологии», сложившихся «идеологических системах», о включенности речевой коммуникации в различные виды социальной деятельности.

В исследованиях В.В. Дементьева и К.Ф. Седова подчеркивается мысль о первичности социального поведения в речевом общении. Жанр речи определяется авторами как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» (Дементьев, Седов, 1998, с. 6). Ситуация же социального взаимодействия рассматривается в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры (ср.: Гольдин, Сиротина, 1993). Основным объектом анализа – повседневное общение. Отсюда повышенный интерес указанных авторов к «житейской идеологии» – стихии многообразных речевых выступлений (Бахтин).

Развивая социально-психологический аспект теории жанров речи, К.Ф.Седов характеризует роль жанровых фреймов в дискурсивном мышлении языковой личности. Исследователь показывает, что эти фреймы одновременно

отражают «представления о социальных формах взаимодействия людей и речевых нормах коммуникативного оформления этого взаимодействия» (Седов, 1999, с. 115). Становление социолингвистической компетенции человека идет прежде всего в направлении постижения жанровых форм общения (там же).

В.В. Дементьевым (2000) в русле социопрагматического подхода разрабатывается проблема использования жанров речи в непрямой коммуникации. Автор раскрывает роль жанров как средств стандартизации общения и снятия ряда степеней его «непрямоты», вводит понятие косвенных речевых жанров, представление об имплицитной жанровой информации (Указ. соч., с. 153-221). Исследование непрямого общения, требующего дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата, открывает новые грани в представлениях об «активной роли другого» (Бахтин), в лингвопрагматическом осмыслении темы, композиции и стиля высказывания.

Особый аспект жанровой теории Бахтина, как известно, составляют его мысли о высказывании как арене столкновения живых социальных интересов, об объективации в высказывании «чуткой, отзывчивой, нервной и подвижной» жизненной идеологии, о ее взаимодействии с идеологией господствующей (Бахтин, 1993а, с. 87; 1993в, с. 27-28). В русле этих идей осуществляются исследования Е.А. Земской (1996), Л.А. Капанадзе (1997), Н.А. Купиной (1995; 1996), Л.М. Майдановой и др. (1997), А.П. Романенко и З.С. Санджи-Гаряевой (1993), К.Ф. Седова (1993), С.Ю. Данилова (2001), Л.В. Ениной (1999), И.В. Шалиной (1998) и др. Идеология в ее текстовом воплощении описывается как сложноорганизованная система вербализованных ценностных смыслов и предписаний (идеологем) (Купина 1995). Анализ дискурса направлен на раскрытие ментальных основ общественного сознания, выявление сталкивающихся в тексте мировоззренческих позиций, определение идеологического содержания речевого поведения коммуникантов; прослеживается объективация в жанрах речи идеоло-

гических схем и мировоззренческих стандартов (Капанадзе, 1997; Данилов, 2001; Енина, 1999; Ożdzyński, 1995).

Как известно, «жизненная идеология» рассматривалась Бахтиным в единстве со «сложившимися идеологическими системами», т.е. формами общественного сознания (искусством, наукой, правом, религией и др.). Исследование «стилестекстов» и речевых жанров, «обслуживающих» различные формы сознания, традиционно является областью функциональной стилистики. Специфика речевых произведений различных сфер общения изучается стилистикой на основе привлечения сведений о качественном своеобразии различных областей духовной социокультурной деятельности (Кожина, 1992; Крылова, 2000; Матвеева, 1990; 1994; Солганик, 2000 и др.). Подробнее речь об этом пойдет в следующей главе.

Подводя итог анализу новейших жанроведческих работ, нужно подчеркнуть, что в научном наследии Бахтина они выделяют и развивают те стороны, которые соответствуют их специфическим задачам. Отметим в этом плане также осмысление генологической проблематики с позиций когнитологии (Баранов, 1997), герменевтики (Богин, 1997), а в рамках социолингвистического подхода (в широком смысле) – с точки зрения концепции ролевого поведения (Долинин, 1978; 1998). Как уже говорилось, при столь значительной дифференциации исследований естественен вопрос о возможностях их синтеза, актуальный для различных направлений современной коммуникативной лингвистики (Synteza, 1991; Hoffmannová, 1997). Ведь новые концепции «важно не столько противопоставить, сколько интегрировать» (Шмелева, 1990, с. 22).

Представляется, что в этом отношении жанроведение находится в «привилегированном» положении, так как располагает фундаментальной теорией Бахтина, при соотнесении с идеями которой обнаруживается связь между весьма разными, на первый взгляд, подходами (см., например, развитие отдельных сто-

рон учения о жизненной идеологии и формах общественного сознания в работах М.Н. Кожиной, Н.А. Купиной, К.Ф. Седова и др.).

По справедливому замечанию В.В. Дементьева и К.Ф. Седова (1998, с. 5), нужно не только идти вперед, отталкиваясь от Бахтина, но и *возвращаться* к нему. Необходим, следовательно, метатеоретический анализ: выявление системообразующих идей наследия ученого, производных от них понятий, скрытых связей. (Философами и литературоведами эта работа проводится значительно интенсивнее, чем лингвистами.)

Думается, что жанроведческая теория Бахтина в большей мере, чем другие генологические концепции, обладает теми качествами, которые необходимы для дисциплинарной парадигмы. (Осознаем дискуссионность суждения и неизбежность борьбы научных теорий.) Это подтверждается все возрастающим к ней интересом. Действительно, главный объект данной теории – устойчивый тип высказывания (текста) – представлен как проблемный узел исключительной важности (Бахтин, 1979, с. 240). Этот объект органично включен в философско-культурологическую доктрину Бахтина, созвучную ведущим направлениям современной гуманитарной мысли⁴. Немаловажно и то, что общелингвистические и философские идеи Бахтина лишь в наиболее общих чертах определяют характер той исследовательской программы, которая могла бы быть развернута на их основе, и потому оставляют возможность творческого осмысления наследия ученого при решении самого широкого круга генологических вопросов.

Понимание М.М. Бахтиным речевого жанра как ключевой категории диалогической концепции культуры, социологии языка, наук о духовном творчестве, естественно, предполагает развитие теории жанров речи в различных направлениях и пересечение ее с другими лингвистическими и шире – гуманитарными науками. Таким образом, жанроведческая проблематика междисциплинарна. Но при этом она цементируется фундаментальной идеей диалогично-

сти, содержание которой раскрывается в контексте всей системы связанных во-едино понятий бахтинской концепции (Библер, 1991, с. 33).

Каково же отношение жанроведения к функциональной стилистике?

Если следовать мысли М. М. Бахтина о вхождении стиля как элемента в жанровое единство высказывания и о том, что изучение языковых стилей может быть продуктивными лишь на основе постоянного учета их жанровой природы (Бахтин, 1979, с. 242), то стилистику нужно рассматривать как дисциплину, включаемую в жанроведение. Однако, как отмечалось, в последние десятилетия предметом функциональной стилистики стали не только закономерности отбора и употребления средств языка (а именно из такого понимания предмета лингвистической стилистики исходил М.М. Бахтин в 1950-е гг.), но прежде всего способы осуществления текстовой деятельности и типы организации речевых произведений. Отсюда видно, что объекты рассматриваемых наук сближаются. Однако нормы текстовой деятельности изучаются функциональной стилистикой не только на жанровом уровне абстракции, предполагающем внутренние подразделения (Ризель, 1975), но и на более высоком и более низком уровнях (Васильева, 1981; 1982).

Сопоставление сложившейся к настоящему времени проблематики названных дисциплин показывает, что их предметы перекрещиваются. При этом функционально-стилистический аспект проблемы речевых жанров является одним из наиболее существенных ее аспектов (что вытекает из содержания как работ М.М. Бахтина, так и современных исследований); вместе с тем в функциональной стилистике в соответствии с логикой ее развития резко возрастает интерес к анализу речевых жанров (Гайда, 1986; 1992; 1999; Кожина, 1999а; 1999б; 1999в; Крылова, 2000; 2001; Майданова, 1996; Матвеева, 1995; 1997; Сиротинина 1999; Чернявская, 1996; Hoffmannová, 1996а,б; Kraus, 1986; 1995; Müllerová, 2000; Wojtak, 1996, 1998, 1999 и др.).

Глава 2

Функционально-стилистическая традиция изучения жанров речи

Уже с 20-х гг. минувшего столетия в русской и чешской стилистике (и шире – функциональной лингвистике) ставится задача изучения многообразий речи (В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Л.П. Якубинский, Б. Гавранек и др.). В качестве одного из возможных аспектов построения этой науки В.В. Виноградов (1923) называет «стилистику разговорной и письменной речи – во всем разнообразии их целей, а в зависимости от этого – и типов построения» (1980, с. 5). Согласно Г.О. Винокуру (1929), «...многообразие речевых жанров, в возможно более широком и полном их охвате, ... не должно упускаться из виду лингвистической стилистикой» (1988, с. 445-446). В поле зрения исследователей оказываются такие, например, жанры речи, как беседа в обстановке досуга и деловая беседа, разговор в великосветском салоне, кулуарные разговоры. Обмен мнений в театре, на концерте. Обмен приветствиями или небольшими «речами» на каких-нибудь церемониях, попеременный рассказ о впечатлениях, переживаниях или приключениях, объявление, афиша, речь на митинге, в суде, канцелярская бумага, газетное выступление, научная диссертация и пр. (Якубинский, 1986; Винокур, 1925; Бахтин, 1993в; Гавранек, 1967). Характерно, что под функциональным стилем Б. Гавранек «имеет в виду то, что сегодня называется, как правило, стилевой формой (жанром) или приемом (речевым актом): практическое сообщение (известие), призыв, убеждение, общее поучение (популярное), научное поучение (изложение, доказывание), модифицирующие формулировки...» (Чехова, 1994, с. 9)⁵. В. Матезиус (1942), как считает М. Чехова (Указ соч., с. 11), выделял функциональные стили в соответствии с пониманием Б. Гавранка. Ср.: «посредством... высказываний кому-нибудь что-то сообщается, объясняется или рассказывается, кто-либо о чем-то сообщает или кому-то что-то предлагает, кто-либо кого-то в чем-то убеждает или что-то опровергает, кого-

то кто-то к чему-то принуждает или от чего-то отговаривает, или, наконец, высказывает по какому-либо поводу радость, сожаление, печаль, гнев и т.д.» (Матезиус, 1967, с. 466). В.В. Виноградов, характеризуя положение в стилистике второй половины 50-х – начала 60-х гг., снова подчеркивал, что «на долю стилистики речи выпадает задача разобраться в тончайших различиях семантического и экспрессивно-стилистического характера между разными жанрами и общественно обусловленными видами устной и письменной речи» (1963, с. 15).

Таким образом, для функциональной стилистики интерес к жанрам речи органичен. Языковая деятельность, видоизменяющаяся в различных сферах и ситуациях общения, изначально рассматривалась учеными данного направления как осуществляемая в речевых актах (высказываниях, жанрах), внимание сосредоточивалось на композиционных формах речи, целом высказывании, с установкой на охват всего многообразия этих форм. Заметим, что объект изучения здесь шире, чем в теории речевых актов, оказывающей в последнее время значительное влияние на развитие жанроведческих исследований. Ведь объектом этой теории является главным образом «обыденный язык», произнесение «говорящим предложения в ситуации непосредственного общения со слушающим» (Кобозева, 1986, с. 11). Между тем «непосредственное общение является лишь одной из разновидностей идеологического общения» (Бахтин, 1993б, с. 18) и рассматривается функциональной стилистикой наряду с другими его разновидностями, к тому же с установкой на анализ не только и не столько отдельных предложений-высказываний, сколько целых речевых произведений.

Ввиду того, что многообразие типов высказываний, текстов, их речевой организации обусловлено экстралингвистическими факторами, изучение последних в аспекте стиле- и жанрообразования традиционно является одной из важнейших проблемных областей функциональной стилистики. Эти факторы исследованы здесь наиболее полно и глубоко (Якубинский, указ. соч., с. 17-18;

Гавранек, 1967, с. 365-367; см. также более поздние работы: Кожина, 1968, с. 149-155; Васильева, 1986; Hausenblas, 1955; Jelínek, 1969; Mistrík, 1970 и др.). Перспективное направление дальнейших исследований этой проблематики намечает Е.Ф. Тарасов: «Экстралингвистические факторы должны быть введены в стилистический анализ в том виде, какой они принимают в структуре деятельности. Деятельностная онтология в наше время, вероятно, позволяет наиболее антропным образом описать экстралингвистические факторы, детерминирующие лингвистическое своеобразие функциональных стилей» (1989, с. 164).

Следует отметить, что для изучения жанровых форм, являющихся гибкими схемами предваряющей речевой организации, в границах которых осуществляется индивидуально-творческая деятельность субъекта речи (Васильева, 1983, с. 6), весьма значимо проведенное чехословацкими учеными разграничение объективных и субъективных экстралингвистических факторов, вывод о том, что в формировании социально осознанных разновидностей речи «руководящую роль... играют объективные факторы, принципиально обуславливающие те пределы, в которых возможен субъективный подбор языковых средств» (Jelínek, 1963, с. 104).

Как указывалось, в качестве глубинного жанрообразующего фактора еще в 20-е гг. М.М. Бахтин рассматривал общественную психологию и «идеологические системы»: «Общественная психология дана по преимуществу в разнообразнейших формах *«высказывания»*, в форме маленьких *речевых жанров...*» (Бахтин, 1993в, с. 24). «Руководящие принципы для отбора и оценки лингвистических элементов могут дать только формы и цели соответствующих идеологических образований» (Бахтин, 1993б, с. 94-95).

Заметим, кстати, что в бахтинском определении речевого жанра (1979, с. 237) лингвисты, как правило, выделяют лишь мысль о связи композиционного построения, тематического содержания и стиля. Однако, думается, не это поло-

жение (при всей его важности) выражает своеобразие позиции М.М. Бахтина. По отношению к жанрам художественной литературы единство указанных моментов отмечали в 20-е гг. и филологи, близкие к формальной школе. Так, В.М.Жирмунский (1924) писал, что «поэзия, как и живопись, относится к группе искусств предметных, или тематических, в которых художественное единство обусловлено особым *объединением композиционных и тематических элементов*... Во многих случаях в понятие жанра входят также признаки словесного стиля» (1978, с. 224). Но если представители формальной школы (чей выдающийся вклад в поэтику и стилистику, в теорию дискурса сегодня общепризнан) последовательно отстаивали несоциальность художественной структуры, если жанр понимался ими лишь как постоянная специфическая группировка приемов с определенной доминантой, то согласно теории М.М. Бахтина «ближайшая социальная ситуация и более широкая социальная среда (художественная, научная и др. – *В.С.*) всецело определяют – притом, так сказать, изнутри – структуру высказывания» (1993в, с. 94). «Стилистическое оформление высказывания – социальное оформление...» (1993в, с. 103). Есть все основания говорить о том, что в генологической теории М.М. Бахтина к числу центральных (наряду с другими) принадлежат концепты: «области идеологического творчества», «общественная психология», «идеологические системы», «сферы и цели социального общения», «сферы человеческой деятельности». Ученый не только распространил понятие жанра на все области речевой коммуникации, что, несомненно, является большой его заслугой (Dobrzyńska, 1992, с. 75); важно и другое: само это распространение стало возможным благодаря тому, что в качестве одного из главнейших факторов жанрообразования он включил в исследование «внесловесную ситуацию» – ближайшую и более широкую (формы общественного сознания), в связи с чем типы высказываний в сфере искусства, науки, пра-

ва, религии оказались рядоположенными (при этом М.М. Бахтин, естественно, подчеркивал специфику художественных жанров).

Однако в 20-30-е гг. лингвисты, приступая к изучению функциональных многообразий речи и стремясь охватить их возможно более полно, намечая контуры различных по своим задачам концепций (поэтического и практического языка, стилей языковых и речевых, объективных и субъективных, устного и письменного способа выражения, диалогической речи, «маленьких речевых жанров» и др.), тем не менее еще не выработали целостной модели употребления языка в реальной речевой действительности. Поэтому в последующие десятилетия возникла острая необходимость в построении такой модели. Естественно, что создававшаяся классификация функциональных разновидностей языка-речи предполагала проведение первоначально основных, наиболее общих делений и лишь затем более частных. Это вело к повышению уровня языковой абстракции («Функциональные стили... отвечают предельному обобщению функций коммуникации» (Jelínek, 1968, с. 351)) и тем самым к отвлечению от частных разновидностей речи, в том числе жанровых. Другая тенденция развития стилистики, проявившаяся со второй половины 50-х - начала 60-х гг., заключалась в постепенной переориентации исследований со стилистических ресурсов языка на принципы его употребления (в соответствии с определением стиля В.В. Виноградовым (1955)). Хотя главным объектом изучения становились макростили, а жанровая проблематика отходила на второй план, с указанного времени начинают интенсивно разрабатываться теоретические основы функциональной стилистики (см. исследования Б.Н. Головина, М.Н. Кожинной, В.Г. Костомарова, О.Б. Сиротининой и др.), определившие общий подход и к последующему стилистическому анализу жанров.

Исходные идеи функционально-стилистической теории М.Н. Кожинной созвучны в своей основе рассмотренным выше положениям М.М. Бахтина. Рече-

вое общение, будучи специфически человеческим феноменом, теснее всего связано с другими сущностными свойствами человека – деятельностью и сознанием (Кожина, 1966, с. 16). С учетом этого одно из важнейших понятий функциональной стилистики «сфера общения» конкретизируется как единство вида деятельности и формы общественного сознания (при изучении функционального стиля). Именно это последнее дало возможность определить понятие функционального стиля и классифицировать стили на едином основании. «Стиль формируется именно в результате функционирования языка с целью «обслуживания» той или иной формы общественного сознания, осуществляющейся в соответствующей, так сказать, «сугубо-социальной» сфере деятельности» (Кожина, 1968, с. 156)6. «Назначение той или формы общественного сознания и вида деятельности (а следовательно – и сферы общения)..., как и специфика соответствующих форм мышления, обуславливают специфику определяемых ими функциональных стилей речи, закономерности функционирования в них языковых средств и их речевую организацию» (Кожина, 1972б, с. 61-62).

После того как основные принципы и важнейшие особенности употребления разноуровневых языковых средств в функциональных макростиллях были изучены достаточно полно, вновь усилился интерес к внутрителивой дифференциации, к жанрам речи (Брандес, 1983; Вакуров, Кохтев, Солганик, 1978; Долинин, 1978; Иванчикова, 1983; 1987; Кайда, 1989; Краевская, 1981; Лысакова, 1981; Майданова, 1987; Мальчевская, 1976; Разинкина, 1976; Стилистика..., 1981; Троянская, 1986; 1989 и др.).

По мнению А.Н. Васильевой (1982), магистральным направлением развития лингвостилистики становится распространение функциональной методологии, последовательно реализованной при изучении макростилей, на нижележащие уровни целостной стилистической системы, в том числе на жанровый уровень.

Первоначально «модель лингвистического описания жанра... сводилась к следующему: на базе предварительной характеристики экстралингвистических условий и общего целеполагания определенного типа текстов выполняется уровневое описание жанра через перечисление характерных для этих текстов языковых средств» (Матвеева, 1996, с. 217-218). Со временем эта методика совершенствуется и усложняется: в исследование включаются представления о комплексе жанроопределяющих признаков – протяженности текста, его горизонтальном и вертикальном членении, способах изложения мысли, учитываются форма проявления языка (устная, письменная), вид речи (монологическая, диалогическая), тип содержания и иные факторы (Барнет, 1985; Gajda, 1982; 1991; Mistrík, 1975; 1985; и др.). Естественно, что в стилистических работах особое внимание уделяется собственно речевой организации жанра.

Постепенно в рамках функциональной стилистики формируется новое направление исследований - стилистика текста, основным объектом которой становятся композитивные аспекты речевого произведения. Мощным толчком для интенсивного развития этой дисциплины явились работы К. Гаузенбласа (1967; 1968; 1972). К числу важнейших средств, участвующих в создании речевого произведения, ученый относит языковые, тематические и тектонические (способы «стилизации» и «композиции») средства (1967, с. 72-73), отмечая и ряд других, в том числе *жанровые формы*, или *жанровые образования*, являющиеся схемами текста как целого (1972, с. 15). Композиционные средства принадлежат области особой дисциплины – тектоники.

В.В. Одинцов также считает основными компонентами структуры текста язык, тему (и сюжет), композицию (и прием) (1980, с. 43; 1982, с. 139-140), а главной задачей стилистики текста – изучение композиции и приема (1980, с. 34). Важным аспектом исследования закономерно становится анализ речевых

жанров, рассматриваемых – что важно – с учетом их отнесенности к определенным сферам общения (1982, с. 152-160).

Особенно целенаправленно детерминированность организации текста (научного) базовыми экстралингвистическими факторами исследуется М.Н.Кожинной (1992; 1996), Ф. Данешем (Daneš, 1997; 2000), Е.А. Баженовой (2001); М.П. Котюровой (1988); Л.М. Лапп (1993).

С генологических позиций эта проблематика разрабатывается Ст. Гайдой. Жанр трактуется им как одно из центральных понятий стилистики, изучающей культурно обусловленное речевое поведение людей (1992, с. 29). Стиль и жанр – гуманистические, т.е. связанные с выбором, и при этом конвенциализованные в культурно-языковом отношении структуры текста. Сферы общения – повседневная (бытовая), художественная, политическая, религиозная и др. – это области культуры (1996, с. 252-253), в которых создаются и функционируют жанры.

Симптоматична активизация исследований, в которых особенности различных видов социокультурной деятельности рассматриваются в качестве экстралингвистической основы речевых жанров соответствующих областей коммуникации – бытовой (Борисова, 2001; Рытникова, 1996; 1997; Сибирякова, 1996; 1997; Хорошая речь, 2001, с. 107-163), политико-идеологической (Дускаева, 2001), административно-правовой (Киуру, 1999; Ширинкина, 2001); религиозной (Войтак, 1998; 1999; 2000; Крылова, 2000; Со Ын Ён, 2000; Makuchowska, 1996; 1998; Mistrík, 1992).

Обращение функциональной стилистики к тексту как целому стало предпосылкой усиления ее взаимодействия с другими дисциплинами коммуниктивно-функционального цикла (лингвистикой текста, социолингвистикой, психолингвистикой, лингвопрагматикой, культурой речи, коллоквиалистикой, ри-

торикой, дискурсивным анализом и др.), проблематика которых частично пересекается⁷.

Выделим некоторые темы и идеи, сформировавшиеся при междисциплинарном подходе к изучению стилевой и жанровой дифференциации текстовой деятельности.

Н.А. Купина и Т.В. Матвеева считают центральным понятием новой русской риторики коммуникативно адекватный текст, причем подчеркивают, что «реально текст воплощается как речевое произведение определенного функционального стиля и жанра» (1993, с. 49). Отправной момент анализа продуцирования текста и конечный момент его интерпретации – авторский замысел, осуществляющийся в выборе определенной жанровой формы, которая в значительной степени детерминирует тип смысловой системы текста, как и особенности его поверхностно-речевой организации (Купина, 1988, с. 46-53; 1993).

Т.В. Матвеева (1990; 1995; 1996) исследует функциональные стили и представляющие их речевые жанры в аспекте текстовых категорий, показывая, что макростили различаются схемами категориальных структур, а «жанры в пределах функционального стиля – качественной реализацией категорий в рамках единой категориальной схемы» (1996, с. 218; см. также: Борисова, 1997; Сибирякова, 1997). Интересна попытка Е.Н. Рудозуб (1999) распространить концепцию стилевых черт (Ризель, 1961), или функциональных семантико-стилистических категорий (Кожина, 1989), на область стилеобразующих средств речевых жанров.

Плодотворными представляются мысли А.Н. Васильевой (1990, с. 169-220) о типах внутренних текстовых структур, дифференцирующих стили и жанры, о стадийности в создании речевого произведения (научного), о целеустановке текста как комплексе коммуникативных и экстракоммуникативных целей, в соответствии с которыми произведение «функционирует в более узкой коммуни-

кативной и более широкой... конситуации. Эти две конситуации могут быть очень близки, практически совпадать, а могут весьма далеко расходиться» (1990, с. 170). И далее: «Цели могут быть внешние и внутренние, открытые и скрытые, осознанные и неосознанные, объективные и субъективные, истинные и ложные» (1990, с. 179; ср.: Психологические..., 1977).

В работах ряда авторов ставится проблема коммуникативных (стилистических, жанровых, текстовых) норм (Едличка, 1988; Кожина, 1993, с. 92-96; Купина, Матвеева, 1993; Лаптева, 1994; Ширяев, 2000; Вепрева, 1996; Захарова, 1993 и др.). Ст. Гайда включает ортологическую константу в само определение жанра: «Жанр функционирует как... существующий intersубъективно комплекс указаний, регулирующих определенную сферу языковых поведений (текстов) и имеющих разную степень категоричности» (1986, с. 24). Отсюда жанровая норма – это стабилизированный способ организации текста в определенных коммуникативных условиях (1990, с. 108).

Пожалуй, в наибольшей мере функционально-стилистический подход к изучению речевых жанров сближается с лингвоидеологическим анализом дискурса (Купина, 1995; 1996; 2000; Данилов, 2001; Енина, 1999; Шалина, 1998 и др.). Для того чтобы раскрыть соотношение этих исследовательских направлений, представляется важным учесть содержащуюся в ранних работах М.М. Бахтина трактовку общественного сознания.

Оно понималось ученым как единство «сложившихся идеологических систем» (науки, искусства, права и др.) и «жизненной идеологии», из которой, собственно, и выкристаллизовываются «идеологические системы» и которая, в свою очередь, подвержена сильному влиянию этих систем. Как уже отмечалось, высказывания (тексты) являются, согласно М.М. Бахтину, «идеологическим преломлением бытия», в них объективируется идеологическое (культурное) творчество, т.е. духовная социокультурная деятельность коммуникантов.

В дальнейшем это положение обрело статус одного из методологических принципов функциональной стилистики. Именно она целенаправленно решает поставленную М.М. Бахтиным задачу включения в лингвистический анализ сведений о качественном своеобразии различных областей «идеологического творчества». Но при этом функциональная стилистика учитывает в основном сложившиеся (устойчивые) «идеологические системы», т.е. собственно формы общественного сознания.

Между тем лингвоидеологические исследования дискурса вскрывают детерминированность речевой деятельности другой составляющей общественного сознания – «жизненной идеологией», которая воплощает живое оценивающее восприятие действительности и образует содержание группового сознания. Внимание лингвистов сосредоточивается на объективации в текстах меняющихся оценок и стереотипов «ментального мира» общества. Изучается взаимодействие живых социальных акцентов, смысловых позиций, полилог речевых культур, анализируются жанры влияния.

Таким образом, обе дисциплины – функциональная стилистика и лингвоидеологический анализ дискурса – исходят из положения об объективации в текстовой деятельности общественного сознания, но сосредоточивают внимание при этом на разных его планах – соответственно на прочно сложившихся «идеологических системах» и на подвижной, изменчивой «жизненной идеологии». В последнее время наметилось сближение этих научных направлений, особенно при исследовании газетно-публицистической речи и живого разговорно-бытового общения.

Итак, интерес к изучению речевых жанров прослеживается на протяжении всей истории развития функциональной стилистики. Уже в первых работах, выделявших в качестве особого предмета исследования функции и виды речи, содержалась идея жанра как формы организации высказывания (текста); были вы-

двинуты основополагающие суждения, послужившие базой для формирования функционально-стилистической теории.

По мере ее развития совершенствовался подход к описанию многообразия речевых жанров. Так, складывавшиеся представления о базовых экстралингвистических факторах, определяющих характер стилистико-речевой организации, стали использоваться при объяснении специфики не только основных стилей, но и более частных речевых разновидностей. Постепенно утверждалась мысль о необходимости исследования функционально-стилистической системы языка на разных уровнях абстракции, выработки представлений, отражающих специфику жанрового уровня.

В последнее время теоретический аппарат изучения жанров в функциональной стилистике обогащается в результате ее взаимодействия с другими направлениями коммуникативной лингвистики. Отчетливо проявляется тенденция к переходу от использования описательных методик к проведению исследований на теоретической основе, а именно к развитию исходной для функциональной стилистики идеи включенности речевого общения в различные виды «идеологического творчества».

В русле этой тенденции проводится наше исследование речевых жанров научного академического текста.

Раздел II

Жанры речи как функционально-стилистический феномен (вопросы теории)

Глава 3

Жанры речи и технологическая грань культуры

При деятельностном подходе к культуре одной из наиболее важных областей исследования становится *технология воспроизводства социальной жизни*. (Слово «технология» здесь используется в самом широком смысле: имеется в виду *способ осуществления человеческой деятельности* во всех ее проявлениях.)

Эта сторона культуры в большей или меньшей степени была объектом анализа различных по методологической направленности социально-философских доктрин XIX-XX вв. (О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса, М. Вебера), а также представляла интерес для основателей структурного функционализма – Т. Парсонса, Р. Мертона и др. Ей уделялось, пожалуй, преимущественное внимание в отечественной культурологии (Давидович, Жданов, 1979; Каган, 1974; Маркарян, 1969; 1983; Петров, 1991; Файнбург, 1976 и др.).

При изучении культуры в этом аспекте «на первый план выходит такая ее черта, как воспроизведение деятельности по исторически заданным основаниям. Она требует выражения в соответствующих понятиях. И прежде всего напрашиваются для применения такие, как «схема», «алгоритм», «код», «матрица», «канон», «эталон», «парадигма», «стереотип», «норма», «традиция» и др. Все эти понятия... выражают момент устойчивости в изменяющемся содержании деятельности, переноса этого содержания, трансляции образцов...» (Давидович, 1995, с. 91). В смене короткоживущих поколений культура сохраняется благодаря преимущественному воспроизведению «определенных характеристик, навыков,

умений, ориентиров, установок, ролей, ролевых наборов, институтов, т. е. всего того, что составляет социальность как таковую...» (Петров, 1991, с. 28). Важно добавить к этому, что целевая детерминация человеческой деятельности является ценностной детерминацией. Ценность придает идеальной цели силу воздействия на способ и характер человеческой деятельности, побудительную силу (Чавчавадзе, 1984, с. 8).

Указанная «кардинальная составляющая культурной реальности» (Б.Малиновский) присуща самым разным областям человеческой деятельности, в том числе речевому общению (Стернин, 2000). Попытаемся раскрыть связь данного направления культурологии с функциональной стилистикой и жанроведением.

Согласно определению Э. С. Маркаряна, предложившего один из развернутых вариантов рассматриваемой культурологической концепции, культура - это «внебиологически выработанный, особый, лишь человеку присущий способ деятельности и соответствующим образом объективированный результат этой деятельности» (1969, с. 61).

Легко заметить связь данного понимания культуры с трактовкой стиля, сложившейся в функциональной стилистике. В самом деле, как пишет К. Гаузенблас, «стиль – это специфически человеческое явление...» (здесь и далее разрядка наша. – В.С.), «стиль охватывает самые различные области и формы человеческого поведения, например, языковое общение, все виды искусства, характер одежды, интерьера, оборудования бытовой среды, разные виды развлекательной, спортивной и другой деятельности... Под стилем следует понимать определенный способ, принцип прохождения... деятельности» (Гаузенблас, 1967, с. 70-71). При этом стиль речевой коммуникации выступает как способ интеграции текста (Hausenblas, 1972, с. 22; 1995, с. 235; Daneš, 1995, с. 231-232). Если к тому же принять во внимание репродуктивность функционального стиля

(«...то, что четко выделяет стилистический аспект из других видов дифференциации речевой деятельности, - это обращенность “назад”» - Леонтьев, 1974б, с. 254), то станет очевидной его принадлежность к культуре как способу деятельности, воспроизводимой «по исторически заданным основаниям».

Общность теоретических представлений, используемых в культурологическом и стилистическом исследованиях указанной ориентации, видна и при сопоставлении понятия «специфический способ человеческой деятельности» («технология» в максимально широком смысле) с частным, конкретно-научным концептом «способ построения текста». Действительно, в феномене технологии «отражены средства деятельности и соответствующие им структурно-функциональные блоки (механизмы), взятые в активном, деятельном состоянии...» (Маркарян, 1983, с. 49). Описываемые же К. Гаузенбласом (1972, с. 13-15) средства построения текста – языковые, паралингвистические, тематические, тектонические (стилистические приемы) и другие – как раз и характеризуют технологию текстовой деятельности.

Очень важно, далее, что и в рассматриваемом направлении культурологии, и в функциональной стилистике к числу базовых принадлежит понятие «сфера социальной деятельности» («сфера деятельности и общения»). Его применение необходимо как для выделения и описания типов культуры социума – художественной, научной, правовой и др. (Маркарян, 1983; Морфология, 1994), так и для раскрытия механизма стилевой и жанровой дифференциации языка / речи (Бахтин, 1979; Кожина, 1968).

Как видим, есть все основания для осмысления функциональных стилей в ряду объектов лингвокультурологии⁸. Будем при этом учитывать, что «функциональный стиль, существующий реально как совокупность жанров, представляет собой научную абстракцию более высокого порядка, чем жанр» (Солганик,

1978, с. 9). «Функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры...» (Долинин, 1978, с. 60).

Обратимся теперь непосредственно к жанрам речи и рассмотрим их отношение к свойствам культурных форм, чаще всего отмечаемым в литературе (Бобнева, 1978; Давидович, 1995; Ионин, 1988 и др.).

Культурные образцы (1) объективны по отношению к индивиду и нормативны; (2) историчны, вырабатываются людьми в определенную эпоху в соответствии с конкретными условиями социальной жизни; (3) характеризуются особым оценочным отношением к действительности; (4) многообразны и разнообразны, дифференцированы по сферам человеческой деятельности; (5) являются опорой для творчества (вне культуры у творчества «нет каких-либо опор для реализации» (Давидович, 1995, с. 92)).

Все эти характеристики культурных образцов присущи жанрам речи. Так, (1) речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» (Бахтин, 1979, с. 260); (2) «В каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры». Они «чутко и гибко отражают все происходящие в общественной жизни изменения» (там же, с. 243); (3) «...Каждый жанр обладает своими способами, своими средствами видения и понимания действительности» (Бахтин, 1993б, с. 148); (4) «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что в каждой сфере деятельности целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» (Бахтин, 1979, с. 237); (5) «Если бы речевых жанров не существовало..., если бы нам приходилось... свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение было бы почти невозможно» (там же, с. 258). Кроме того, важной характеристикой речевых жанров является присущая всем культурным образцам функция интеграции индивидов в социум (Долинин, 1999).

Итак, вполне очевидно, что жанры речи – одна из разновидностей культурных форм. По отношению к жанрам художественной литературы на это указывает Л.Г. Ионин (1988). Но какую же именно деятельность они организуют?

Ответ на первый взгляд предполагается сам собой: речевую. Однако эта констатация еще недостаточна. Ведь речевая деятельность, как известно, является «наддеятельностью» (А.Н. Леонтьев). «Строго говоря, речевой деятельности как таковой не существует. Есть лишь система речевых действий, входящих в какую-то деятельность – целиком теоретическую, интеллектуальную или частично практическую» (Леонтьев, 1969, с. 27). Интеллектуальная же деятельность всегда осуществляется, согласно М.М. Бахтину, в определенной «идеологической форме». Действительно, уже на начальном этапе продуцирования высказывания (текста) «внутрисловесный эмбрион выражения» установлен на определенные принципы «идеологического преломления бытия», на объективацию с помощью речевых действий и вхождение в «систему науки, искусства, морали, права...» (Бахтин, 1993в, с. 99). «Даже простое, смутное осознание какого-нибудь ощущения... не может обойтись без какой-нибудь идеологической формы» (там же, с. 95), «...сила сознания... закреплена в устойчивые идеологические выражения (наука, искусство и пр.)» (там же, с. 99). При этом познавательно-коммуникативная деятельность субъекта речи, характеризующаяся специфическими принципами идеологического преломления действительности, кристаллизуется в смысловой системе текста. Поэтому, думается, можно утверждать, что жанры речи являются относительно устойчивыми формами (моделями) духовной социокультурной деятельности (осуществляющейся в бытовых ситуациях, художественной, научной, правовой и других сферах) на ступени ее объективации посредством системы речевых действий в тексте как единице общения. Репертуар и организация жанров речи определяются как сложившимися «идеологическими системами» (формами общественного сознания), так и при-

мыкающими к ним текучими, быстро изменчивыми пластами «общественной психологии» (там же, с. 99-107). Влияние последней на жанрово-стилистические признаки текстов наглядно демонстрируют работы, раскрывающие обусловленность речевой коммуникации содержанием общественного сознания в ту или иную эпоху (Капанадзе, 1997; Купина, 1995; Майданова и др., 1997 и др.).

Конечно, в аналитических целях процесс текстообразования может быть рассмотрен абстрагированно от «идеологической» специфики воплощаемой в высказывании и организующей его познавательно-коммуникативной деятельности. Однако ни для стилистики, ни для жанроведения такое абстрагирование, думается, неприемлемо, поскольку существенной стороной предмета этих дисциплин как раз и является многообразие композиционно-тематических и стилистических вариантов построения текста в их экстралингвистической, в том числе когнитивной, обусловленности.

Заметим, что понимание жанров речи как текстовых форм (моделей) никоим образом не противоречит ключевому положению бахтинской концепции о диалогичности речевой коммуникации, взаимодействию в общении смысловых позиций: ведь жанровая форма выступает средством организации социального взаимодействия (Долинин, 1999). Следует также отметить, что сосредоточение внимания исследователей на параметрах жанровых форм речи как на одном из наиболее важных вопросов лингвистической генологии (Гольдин, 1999, с. 6), конечно же, не означает отказа от изучения творческого использования этих моделей носителями языка. Феномен креативности раскрывается при анализе текстовой деятельности конкретного субъекта речи, в частности, в выборе последним разноплановых моделей, в их видоизменениях, особенностях интеграции в когерентную целостность, при установлении соответствия / несоответствия продуцируемых текстовых структур принятым стандартам, выяснении

причин отклонений от этих стандартов, рассмотрении возникающих в результате эффектов и др. (Witosz, 1999, с. 46, 48).

Мысль М.М. Бахтина об идеологическом преломлении бытия в высказывании получила в последнее время развитие и терминологическое оформление в исследованиях *текстовой модальности* (Солганик, 1984, 1999; Тураева, 1994 и др.). Как пишет Г.Я. Солганик, текстовая модальность выражает отношение производителя речи к тексту и к действительности (1999, с. 183). Отношение к действительности включает установку на определенный характер изложения, чем во многом определяется «строй и тон речи, ее стилевые качества, отбор языковых и речевых средств» (1999, с. 188). В научном стиле это отношение объективное, безэмоциональное, вытекающее из стоящей перед ученым задачи раскрытия истины (обзор различных точек зрения по вопросу о степени субъективности научной речи см. в работе М.П. Котюровой – 1988, с. 36-39); в официально-деловом - объективно-обобщающее, регламентирующее: действительность воспринимается как объект нормализации, регламентации, упорядочения; в публицистическом - оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями и т.д. (1999, с. 185-187). В то время как функциональные стили лишь в самом общем виде намечают принципы использования речи, «дальнейшая детализация, конкретизация текстовой модальности совершается в жанрах, являющихся формой существования и реализации стилей» (там же, с. 188).

Изучение речевых жанров как нормативных форм духовной (познавательно-коммуникативной) деятельности выводит на проблему их классификации, активно обсуждаемую в литературе (Вежбицка, 1997; Шмелева, 1990; Дементьев, 1999 и др.).

Возможный стилистический подход к классификации жанров речи. При указанном понимании жанров критерием их классификации (на первом

уровне) естественно выбрать основные виды социальной духовной деятельности. Кстати, М.М. Бахтин, оценивая стилистические работы 50-х гг., писал об отсутствии продуманной классификации речевых жанров именно по сферам человеческой деятельности (1979, с. 242). В дальнейшем этот недостаток был устранен по отношению к функциональным макростилем: основой для их дифференциации, как уже указывалось, стало единство *вида социальной деятельности* и *формы общественного сознания* (Кожина, 1968, с. 156). Это позволило наметить сущностный параметр типологизации макростилей и дать им последовательно речеведческую трактовку.

Отметим, однако, что если сознание рассматривается с учетом его активности, то, по-видимому, отпадает необходимость в «разведении» в речеведческом исследовании сознания и деятельности (духовной), которая и есть интеллектуально-мыслительная (эмоциональная, волюнтативная) активность человека. Можно говорить, следовательно, о «сознании-деятельности» (Леонтьев, 1972, с. 132). Ср. мысль Б.Н. Головина об определяющем участии «сознания как деятельности в формировании стилей языка» (1979, с. 74), а также положение И.Я. Чернухиной о том, что «стиль - это способ речевого мышления в науке, публицистике, художественном творчестве и др.» (1995, с. 275).

Представляется, что понятие «формы общественного сознания» стало базовым для стилистической классификации по двум причинам. Во-первых, как уже сказано, оно соотнесено с интеллектуально-мыслительной (духовной) деятельностью членов социума, играющей первостепенную роль в речеобразовании. Во-вторых, что тоже очень важно, состав обычно выделяемых форм общественного сознания соотносительен с основными сферами духовной деятельности (ср.: Уледов, 1980, с. 117), обращение к которым и служит критерием выделения основных же речевых разновидностей (макростилей).

Среди новых подходов к исследованию форм общественного сознания представляется плодотворным рассмотрение последних в качестве компонентов социорегулятивной подсистемы культуры, обеспечивающей воспроизводство социума в результате действия механизма культурной традиции (Маркарян, 1983, с. 63-74). При таком изучении общественного сознания в фокусе внимания оказываются ценности и нормы соответствующих видов социальной духовной деятельности. Вводятся понятия научной, художественной и других разновидностей культуры, включающих, в частности, закреплённый общественным опытом способ создания и интерпретации соответствующих артефактов (там же, с. 77). Здесь социокультурная проблематика непосредственно соединяется с речеведческой.

С нашей точки зрения, при классификации речевых жанров по сферам деятельности целесообразно учитывать прежде всего основные виды духовной социокультурной деятельности, так как именно интеллектуально-мыслительная (духовная) активность субъекта речи кристаллизуется в смысловой системе текста (жанра) и определяет его организацию. Материальная же деятельность – производственная, бытовая и др. – представляет интерес ввиду того, что она влияет на характер деятельности духовной, объективируемой в речевом произведении. Подчеркнем, что включение в исследование видов духовной социокультурной деятельности предполагает учет их назначения, а также соответствующих типов мышления, содержания речи, темы, т.е. базового комплекса стилеобразующих факторов (Кожина, 1968, с. 149); при этом нами принимается во внимание *нормативный* характер деятельности, проявляющийся в использовании культурных форм (моделей, образцов).

Дальнейшие классификационные подразделения речевых жанров, на наш взгляд, целесообразно проводить на основе внутренней дифференциации отдельных видов духовной культуры общества. Так, основные виды духовной со-

циокультурной деятельности, выступая экстралингвистической основой соответствующих функциональных стилей, могут быть рассмотрены в качестве иерархически организованных систем частных деятельностей (ср. положение Г.С. Батищева о системе культурных парадигм, складывающихся внутри той или иной деятельностной сферы, – 1990, с. 26) и образующих их типовых действий, лежащих в основе групп речевых жанров и отдельных жанров. В итоге намечаемая классификация «обещает» вскрыть системные связи между речевыми жанрами, отражающие системность вида социальной духовной деятельности.

Таким нам, в принципе, видится путь к устранению отмеченного М.М. Бахтиным второго существенного недостатка стилистических классификаций – их малой дифференцированности (1979, с. 242).

Важно отметить, что характер текстовой деятельности адресанта зависит от целого ряда факторов, в том числе от формы проявления языка (устной или письменной), типового статуса адресата, от вида контактности, способа коммуникации (личной или массовой). Однако эти и многие другие явления обуславливают особенности организации текста не непосредственно, а через кристаллизирующуюся в нем духовную деятельность субъекта речи; их учет, естественно, обязателен, но в основание классификации жанров речи, по нашему мнению, следует положить именно «духовно-деятельностный» критерий как непосредственно определяющий дифференциацию жанровых разновидностей речи, имея в виду и связанные с ним явления.

Разумеется, классификация речевых жанров каждой из основных областей духовной культуры – самостоятельная задача, рассчитанная на перспективу. Предпосылкой ее решения может стать накопление «учениями о различных областях идеологического творчества» – искусствоведением, науковедением, религиоведением и др. – фактического материала (Бахтин, 1993б, с. 8-9). В част-

ности, систематизация речевых жанров научного общения может осуществляться с опорой на данные логики и методологии научного творчества в процессе изучения актуализации в речевых произведениях отдельных звеньев (участков) генетической структуры научно-познавательного процесса.

Жанровая форма как модель реализации авторской целеустановки системой познавательно-речевых действий. Как известно, единицей речевого общения М.М. Бахтин считал высказывание, а его важнейшими конститутивными особенностями – смену речевых субъектов и «завершенную целостность». Именно благодаря завершенности высказывания появляется возможность занять в отношении его ответную позицию. Иное дело, предложение как «относительно законченная мысль, непосредственно соотнесенная с другими мыслями того же говорящего в целом его высказывания» (там же, с. 252). По отношению к предложению никак не может быть занята ответная позиция, «если только мы не знаем, что говорящий сказал этим предложением *все*, что он хотел сказать, что этому предложению не предшествуют и за ним не следуют другие предложения того же говорящего» (1979, с. 262). Таким образом, согласно М.М. Бахтину, в речевом общении происходит обмен именно целыми высказываниями (от однословной бытовой реплики до больших произведений науки или литературы), предполагающими целостное же их понимание. Однако вместе с тем ученый пишет о внедрении в конструкцию высказывания иных высказываний (первичных речевых жанров), в большей или меньшей степени трансформирующихся в нем, но – что важно – сохраняющих при этом специфическую природу (1979), о разнохарактерных диалогических отношениях внутри произведения (1972).

Мысли М.М. Бахтина о соотношении важнейших признаков высказывания (смены речевых субъектов и завершенности), об объеме единиц коммуникации,

о характере целостности текста интерпретируются в литературе неоднозначно и являются дискуссионными (Кожина, 1998; Федосюк, 1997).

Для разработки этих вопросов важны идеи и другого выдающегося ученого – Л.П. Якубинского, в частности, его наблюдения за речевым поведением «нескольких знакомых..., собиравшихся иногда для беседы на научные темы, для заслушивания небольших докладов...». «Это заслушивание, особенно когда оно действительно бывало внимательно, постоянно превращалось в сплошное прерывание докладчика; его монолог постоянно прерывался репликами... Даже если кто молчал, то по лицу бывало видно, как хочет говорить... Иногда молчание переглядываются и мимируют, слушая другого; иногда что-то “промыкивают” про себя: до такой степени звук “лезет изо рта”» (1986, с. 32-33).

Такого рода факты не оставляют сомнений в том, что адресат занимает ответную позицию по отношению не только к целому высказыванию, но и к образующим его частным сообщениям (субтекстам)⁹, которые, следовательно, тоже выступают в роли единиц речевого взаимодействия. Однако этим частным сообщениям присуща лишь автономность (а не завершенность), их содержание включено в смысловую систему текста, определяется целостным замыслом последнего.

Концепция текста как воплощения авторского замысла в виде сложноорганизованной системы сообщений (утверждений, предикаций, их блоков) разработана Н.И. Жинкиным и его последователями (Жинкин, 1956; Тункель, 1964; Дридзе, 1980). В этой концепции особо подчеркивается положение об иерархии предикаций: «некоторые из них являются главными, другие дополнительными, третьи дополнительными к этим вторым и т.д.» (Жинкин, 1956, с. 148). Градуировка сообщений основывается на их разном «информационном весе», разной роли в выражении цели, основной идеи текста.

Представляется, что наряду с этой стороной анализа речевого произведения как системы содержательно-смысловых единиц весьма важен и другой аспект исследования, учитывающий специфику первичного авторского замысла, состав и отношения конкретизирующих его частных целей, способы этой конкретизации. Ведь известно, что сколько-нибудь развернутая деятельность, в том числе текстовая, «предполагает достижение ряда конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью» (Леонтьев, 1975, с. 105).

В процессе текстообразования актуализация этих конкретных целей создает систему сообщений (субтекстов), в том числе весьма частных, каждое из которых, являясь в той или иной степени автономным, способно вызвать ответ адресата. По-видимому, используемое М.М. Бахтиным понятие «абберация» (1979, с. 262, 264-266), т.е. домысливание предложения (или слова), выделенного из контекста, до целого высказывания, характеризует не только процесс лингвистического анализа, но и общие особенности восприятия текста адресатом, в этом плане пока не изученные.

Анализируя высказывание под типологическим углом зрения, важно иметь в виду, что индивидуальный речевой замысел говорящего, как правило, в том или ином отношении схож с уже знакомыми из прошлого опыта познавательно-коммуникативными целеустановками, реализуемыми более или менее привычным способом (Славин, 1976), который, будучи в общем случае известным и адресату, задает нормативы не только продуцирования, но и восприятия текста (Богин, 1997). Подведение первичного замысла под типовую целеустановку и его актуализация с помощью системы типовых действий, очевидно, может рассматриваться как важная сторона механизма приспособления замысла к избранному жанру.

Сама же жанровая форма предстает как закрепленный социальным опытом, многократно используемый способ реализации типового авторского замысла (общей цели) некоторой совокупностью познавательно-коммуникативных действий (в результативном плане субтекстов), подчиняющихся частным целям.

Под коммуникативной целью мы понимаем прогнозируемое искомое, образ будущего результата по отношению к *текстовому объекту и адресату* (Матвеева, 1995). Действие же – это актуализация цели.

Отметим, что сами по себе жанровые формы как виртуальные схемы, как безличные *средства* коммуникации безотносительны к предусмотренному субъективным авторским замыслом актуальному завершению текста: в соответствии с исходной авторской установкой та или иная жанровая форма может быть реализована как в целом речевом произведении, так и в его автономной части, а иногда и в нескольких произведениях - в сверткесте (Купина, Битенская, 1994).

Если выделить для анализа тематический план организации жанра и опереться на введенные Т. А. ван Дейком понятия суперструктурной схемы и тематической макроструктуры (1989, с. 41, 229, 236-237 и др.), то можно сказать, что воспроизводимая система познавательно-коммуникативных действий создает суперструктурную схему дискурса, а содержание этих действий образует организуемые схемой тематические макроструктуры. Следовательно, на тематическом уровне жанровая форма может быть интерпретирована как суперструктурная схема текста (Баранов, 1995; Дементьев, 1997; Wojtak, 1996).

При продуцировании речевого произведения определенной жанровой разновидности субъект речи последовательно раскрывает ряд предусмотренных схемой тем или, иначе говоря, отвечает на ряд вопросов: ведь тема совпадает с утвердительной составляющей вопроса, который, как известно, может быть оформлен не только вопросительным предложением (*Что вам известно о при-*

токах Волги?), но, в частности, и словосочетанием, называющим требующую освещения тему (*Притоки Волги* как вопрос в экзаменационном билете – Лимантов, 1975, с. 8, 82). Вопрос и есть «требование, адресованное субъекту, который должен сформулировать некоторое высказывание...» (там же, с. 9).

Таким образом, мы снова приходим к мысли о вопросно-ответной природе субтекстов в составе речевого жанра. Ведь они реализуют *жанровое предписание адресанту* - ответить на ряд вопросов и удовлетворяют *жанровому ожиданию адресата* в получении соответствующих ответов. Жанровая форма, следовательно, организует систему вопросов, требующих ответа. Отметим, что понятие «жанровое ожидание» шире, чем понятие «жанровый вопрос»: адресатом ожидаются не только информационные, но и фатические действия субъекта речи, а также различные характеристики воспринимаемого текста.

Иллюстрацией к сказанному могут служить коммуникативные блоки научно-речевого произведения (Крижановская, 1996; Лариохина, 1985; Paltridge, 1995; Swales, 1990 и др.), статус которых в последнее время обсуждается в литературе (Кожина, 1999б), – такие как обоснование актуальности проблемы, общая характеристика объекта исследования, описание степени изученности темы и т.д. В самом деле, если субъект речи, например студент, недостаточно хорошо владеет жанровой формой и, создавая сообщение, пропускает ряд предусмотренных ею блоков, то мы, редактируя его текст, говорим о необходимости осветить *вопросы* об актуальности работы, объекте, предмете исследования и пр. Или же, прочитав (заслушав) текст, *задаем его автору эти вопросы*.

Можно, следовательно, утверждать, что жанровая форма служит средством согласования коммуникативной деятельности отправителя сообщения и коммуникативной деятельности адресата, моделью речевого взаимодействия партнеров по общению (Сидоров, 1987).

О степени стереотипности жанров речи в связи с организацией конституирующих их действий. Жанровые формы допускают разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств. Анализ показывает, что большая или меньшая стереотипность жанров речи зависит от типа организации репродуктивных познавательных-речевых действий, образующих жанровую форму. Представляется, что эта область генологической проблематики тесно связана с вопросами праксиологии (с изучением общих правил человеческой деятельности как таковой). Кв. Кожевникова (1979) точно обозначила главные различия между жанрами по указанному признаку. Напомним, что ею выделены: 1) тексты, которые строятся в соответствии с *более или менее жесткими*, но всегда *облигаторными* информативными моделями (например, кулинарный рецепт, инструкция, театральная афиша); 2) тексты, содержание которых строится по *узуальным* информативным моделям, т.е. моделям, носящим *довольно общий характер* (газетное сообщение о текущих событиях, рецензия на литературное произведение); 3) тексты, не регламентированные, содержание которых *не подлежит никакой строгой заданности* со стороны жанра и коммуникативной сферы (частная переписка, большинство жанров художественных произведений).

В чем же причина облигаторности и жесткости информативных моделей в одних случаях, узуальности и общего характера в других, отсутствия строгой заданности в третьих?

Объяснение специфики жанровых форм первой группы, очевидно, заключается в том, что они представляют собой типизированные системы подготовительных действий, без которых невозможны более поздние действия, отсюда облигаторность этих форм. Как отмечал Т. Котарбинский, суть подготовительного действия (*кто-либо, открывая дверь, делает для себя возможным войти в*

комнату) состоит в том, что оно «служит по крайней мере двум целям: дальней цели (главной) и цели ближней (подчиненной), достижение которой является задуманным средством на пути к дальнейшей цели» (1975, с. 79).

Ближняя цель театральной афиши, заключающаяся в объявлении предстоящего спектакля, реализуется именно теми сообщениями – о названии мероприятия, времени и месте его проведения, продаже билетов, которые необходимы для актуализации дальнейшей цели – для показа этого спектакля зрителям. Существенно, что информационный объем жанровых вопросов мал и в основном предполагает «одноактовые» ответы ([Где состоится спектакль?] *В муниципальном дворце культуры...*), без выделения подвопросов и дополнительного тематического структурирования или же с минимальным и опять-таки стандартизированным развертыванием темы: *Билеты продаются..., Кассы работают..., Заявки принимаются по телефону...* Частично-диктальный (Балли, 1955) тип жанровых вопросов, требующих лишь дополнения некоторой имеющейся информации, предполагает воспроизведение в ответе утвердительной составляющей вопроса, что приводит к клишированности речи: [Где можно купить (приобрести) билеты?] *Билеты можно приобрести в кассах культурно-делового центра.*

Жанровые формы, называемые Кв. Кожевниковой узואальными, в своей основе являются системами типовых познавательных-коммуникативных действий, характеризующих некоторый объект и определяемых относительно устойчивым фрагментом знания о нем. Данная целеустановка – охарактеризовать объект (ситуацию) – может быть реализована с большей или меньшей полнотой (возможны, следовательно, развернутый и компрессированный варианты актуализации жанровой формы). Наиболее существенные признаки фрагмента знания должны быть раскрыты обязательно, по отношению же к другим предполагается избирательность. Так, автор текста газетных новостей помимо более или менее развернутого описания главного события может приводить информацию о

непосредственно предшествовавших ему событиях, отдаленной исторической подоплеке, о политическом контексте, о последствиях событий и др. (ван Дейк, 1989, с. 253-259). Автор рецензии на литературное произведение в ходе обязательного анализа идейно-образного содержания, как правило, и особенностей формы произведения тем не менее, естественно, не охватывает всех важных параметров художественного целого, сосредоточиваясь только на некоторых из них. Причем информационный объем исходных жанровых вопросов велик и предполагает серию подвопросов, раскрываемых опять-таки избирательно, лишь в некоторой своей части. К тому же та или иная цель во многих случаях может быть актуализирована в различных частных (особенных) формах. В этом, на наш взгляд, и проявляется общий характер и гибкость узуальных моделей. Широкая вариативность раскрываемых подтем, а также разнообразие тактик их освещения обуславливают уменьшение, по сравнению с сообщениями первой группы, клишированности речи.

Нужно, однако, отметить, что тексты рассматриваемого типа, строго говоря, являются результатом комплексного действия, включающего подготовительное действие (ван Дейк, 1978, с. 288). Так, характеристике объекта обязательно предшествует его представление читателю, идентификация: в тексте новостей это наименование события, местные и временные данные, в рецензии – название произведения, имя его автора. Следовательно, указанные речевые произведения, в основном строящиеся по узуальным информативным моделям, реализуют и облигаторные формы.

Наконец, своеобразие текстов, содержание которых не подлежит строгой заданности со стороны жанра, связано с тем, что субъект речи ориентирован не на некоторый круг частично-диктальных типовых вопросов, как в предыдущих двух случаях, но на ожидания адресата, равнозначные в информационном отношении полному диктальному вопросу: *в чем дело?* (Балли, 1955, с. 48), *что*

[вы хотите сказать]? Поэтому выбор тем здесь свободный (лишь с некоторыми ситуативными ограничениями). Однако после того, как тема выбрана, она раскрывается в соответствии с некоторой информативной моделью, предполагающей большую или меньшую степень стандартизованности сообщения. В этом смысле выбор относится к целостным сегментам, сконвенциализированным в культурном и языковом отношении (Гайда, 1992).

Отметим, что рассмотренные Кв. Кожевниковой различия в характере и степени типизированности текстов можно отнести не только к речевому произведению как целому, но и к его единицам (блокам), причем текст в большинстве случаев включает единицы разной степени стереотипности (ср.: Разинкина, 1985, с. 36-37).

Итак, концепция культуры как способа человеческой деятельности имеет методологическое значение для стилистики, теории речевых жанров, культуры речи, поскольку функциональные стили и представляющие их речевые жанры являются воспроизводимыми способами текстовой деятельности, феноменами технологической грани культуры в области речевой коммуникации. Это расширяет наши представления о комплексе дисциплин, образующих теоретический фундамент речеведения.

Принимая во внимание приоритет содержательно-смысловой (духовной) стороны речевого общения и социальную природу последнего, мы понимаем жанры речи как объективируемые в текстах формы осуществления духовной социокультурной деятельности, соответствующие определенным принципам «идеологического преломления бытия» (М.М. Бахтин).

Классификация функциональных стилей по признаку единства вида деятельности и формы общественного сознания (М.Н. Кожина) или, иначе, по видам духовной социокультурной деятельности, в сущности, является первым уровнем членения в жанровой классификации. Дальнейшие подразделения мо-

гут проводиться по более частным (особенным) разновидностям того или иного вида духовной деятельности, вплоть до образующих эти разновидности систем типовых действий.

Речевой замысел говорящего, будучи в некотором отношении схожим с уже знакомыми из прошлого опыта, повторяющимися целеустановками, обычно реализуется в соответствии с относительно устойчивой схемой познавательно-коммуникативных действий, сложившейся в определенной области духовной культуры. С учетом этого жанровая форма может быть интерпретирована как закрепленный социальным опытом способ актуализации авторского замысла некоторой системой познавательно-коммуникативных действий (в результативном плане – субтекстов).

Продуцирование сообщения определенной жанровой разновидности как некоторой системы субтекстов предполагает раскрытие адресантом ряда подтем, освещение ряда вопросов, что соответствует ожиданиям адресата. Жанровая форма, следовательно, предстает как типизированная модель речевого взаимодействия партнеров по общению, в ней запечатлеваются диалогические отношения.

Изучение жанровых форм в русле общей проблематики способов актуализации цели, структур сложного действия открывает путь к объяснению существенных различий в характере и степени стандартизованности речевых произведений.

Глава 4

К экспликации понятия жанрового стиля

Согласно М.М.Бахтину, «языковые, или функциональные, стили есть не что иное, как жанровые стили определенных сфер человеческой деятельности и общения» (1979, с. 241). Стилистический момент речевого жанра М.М. Бахтин связывает с «отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка» (с. 237). Любое конкретное языковое явление, если рассматривать его по отношению к системе языка, будет явлением грамматическим, но в составе индивидуального высказывания или речевого жанра оно предстает как стилистическое явление. «Ведь самый выбор говорящим определенной грамматической формы есть акт стилистический» (там же, с. 244). При этом ученый подчеркивает неразрывную связь стиля с тематическим и композиционным единством высказывания, с эмоционально оценивающей позицией говорящего, с отношением говорящего к другим участникам речевой коммуникации (с. 242, 264).

Можно, пожалуй, утверждать, что экспликация идеи «жанровых стилей» становится одной из насущных задач формирующейся лингвистической дисциплины – *прагмастилистики* (Лузина, 1991; Enkvist, 1985; Fix, 1995; Mazur, 1990; Püschel, 1995; Sandig, 1986, 1995 и др.), прежде всего одного из ее течений, сохраняющего живую связь с функционально-стилистическим направлением исследований, по существу, входящего в данное методологическое направление (Wojtak, 1998). Согласно М. Войтак (с. 376), в этом течении прагмастилистики речевое общение изучается на более низкой ступени абстракции, чем в теории макростилей, в результате чего главным объектом анализа становятся жанры речи. Именно жанры образуют ту предметную область, в которой стилистика и прагматика максимально сближаются, вплоть до их слияния (там же, с. 370).

Внимание лингвистов, представляющих это направление исследований, сосредоточивается на таких важных сторонах текстовой деятельности, как процессы целеполагания, выбор и использование принятых в данной культуре жанровых образцов (целого речевого произведения и его компонентов, основных и факультативных), осуществление сложноструктурированных познавательно-коммуникативных действий, реализация иллокутивного потенциала высказывания с учетом иерархии интенций и др. (см.: Wojtak, 1998; Witosz, 1999).

Согласно этому подходу жанровые стили актуализируются в процессе выбора и использования разноплановых и разнообъемных образцов, причем по-новому трактуется само понятие выбора. Оно распространяется на различные аспекты текстовой деятельности, охватывая как смысловой, так и поверхностно-речевой ее уровни. По мнению М. Войтак, прагмастистика исходит из понимания выбора как многофазового процесса (хотя каждая фаза не обязательно должна быть реализована во всех коммуникативных действиях), конкретным актам общения может быть поставлен в соответствие «пучок» возможностей выбора (1998, с. 372, 373). При этом подчеркивается, что важной стороной стилистической компетенции носителей языка являются умения и навыки поверхностно-речевого воплощения жанровых моделей, «вычерпывания» и использования функционально необходимых языковых элементов (Гайда, 1992, с. 29).

В результате вопрос о выборе, повторении, размещении, комбинировании, трансформировании языковых единиц (Головин, 1977), об операциях, создающих *стилистика-речевую системность* (термин М.Н. Кожинной), ставится теперь по отношению не только и не столько к макростилиям, которые в этом плане уже достаточно хорошо изучены, сколько к жанрам речи и их компонентам (типovým субтекстам). Это существенно усложняет анализ, так как «...на каждой последующей «ступени вниз» усложняются понятия и речевой системности, и стилистической окраски, и стиля» (Васильева, 1982, с. 42).

Из истории вопроса о системности речи. Категория *речевой системы* впервые введена в лингвистическую теорию, по-видимому, Г.О. Винокуром (1990 [1923], 1925), изложившим свою концепцию соотношения языка и речи (и вытекающее из нее понимание предмета стилистики и поэтики) в связи с интерпретацией «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Г.О. Винокур акцентировал положения швейцарского ученого о том, что язык (*la langue*) – это норма, которой подчинены все другие проявления речи, и в ином отношении – лингвистическая способность¹⁰; однако при этом, вопреки Ф. де Соссюру, главенствующей категорией у Г.О. Винокура выступает, по существу, не язык, а языковая деятельность: «собственно язык... есть лишь отграниченное определенными рамками поле для нашей языковой деятельности. Это – база, отправляясь от которой и оставаясь в рамках которой, мы все же творим наш язык. Это – норма, подлежащая использованию, интерпретации со стороны говорящего индивидуума» (1990, с. 26).

Другой член дихотомии – «речь», согласно Г.О. Винокуру, является не просто реализацией языковой системы, но целесообразным творческим использованием последней в соответствии с велениями разума, воли и чувства. «Вот это-то творчество языка, интерпретация и использование в определенных целях заданной языковой системы и составляет реальное содержание того, что Соссюром названо *la parole*» (там же). При этом важно, что наша речь – это не только индивидуальное говорение, но и особая «нормальная» структура, строящаяся сверх собственно системы языка. Несколько актов речи – «уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая... общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но все же социальных пределах» (там же, с. 29). Таким образом, Г.О. Винокур имеет здесь в виду не системную взаимосвязь языковых единиц, обусловленную идейно-образным содержанием

конкретного художественного произведения, а надындивидуальные (социокультурные) закономерности стилистико-речевой организации.

Подчеркнем, что речевая система характеризуется Г.О.Винокуром как построение целевое, целесообразное (там же, с. 26), тем самым ученый одним из первых вводит в лингвистическое исследование категорию цели (Леонтьев, 1974б, с. 241-242), которая понимается им как структурное задание: «она не в том, чего хочет реально, житейски оратор или поэт, а в самом соотношении словесных элементов, создающих данное стилистическое построение» (1990, с. 27).

Дихотомия языка и речи, по мнению Г.О. Винокура, совпадает с противопоставлением языка и стиля (там же, с. 25). Поэтому стилистика может стать той лингвистической наукой, которую Ф. де Соссюр назвал лингвистикой речи (Шапир, 1990, с. 272). Стилистика вообще и включаемая в нее поэтика как наука о поэтическом языке должны «обратиться к говорению, являющемуся волевой надстройкой над системой наперед данных уже, навязанных нам языковых знаков» (Винокур, 1990, с. 25).

Мысли Г.О. Винокура о социальности и системности речи, целенаправленности речевого поведения стали, как известно, базовыми для функционально-стилистической теории.

Дальнейшая разработка концепции речевой системности несет на себе отпечаток познавательной ситуации, сложившейся в отечественной стилистике во второй половине 50-х – в 60-е гг. Неотложной задачей этой научной дисциплины становится в данный период экспликация понятия «функциональный стиль» и определение принципов классификации стилей. При этом большинство лингвистов, как известно, одинаково выделяли пять основных функциональных разновидностей современного русского языка. Задача, следовательно, заключалась в том, чтобы теоретически осмыслить, по существу, уже выделенный (остен-

сивно определенный) объект, который в русле господствовавшей в лингвистике системно-структурной парадигмы изучался преимущественно со структурно-аналитических (а не последовательно функциональных) позиций.

Идея стиля как целесообразной речевой организации, речевой системности возрождается и развивается М.Н. Кожиной (1966; 1968; 1972б). Если в ранних работах Г.О. Винокура речь определяется как творчество индивидуума, хотя основной акцент в конечном счете делается на социальности речевой организации, то в последующие десятилетия в фокусе внимания отечественных и чехословацких лингвистов оказываются именно объективные (надиндивидуальные) стили и стилеобразующие факторы¹¹. Уже сам указанный предмет исследования - онтология функциональных макростилей (научного, официально-делового, публицистического и др.), рассматриваемых в их целостности и относительной отдельности, задавал весьма высокую степень стилистической абстракции и предопределял поиск теоретической опоры в макроуровневых социологических категориях, обнаруживающих тесную связь с человеческой речью, – таких как области общественных отношений, виды социальной деятельности, формы общественного сознания (Кожина, 1968, с. 165). Соответственно задачам, стоявшим перед стилистикой, и категория цели стала трактоваться максимально абстрактно: цель (коммуникативное задание языковых средств в той или иной социально значимой сфере коммуникации) - это назначение определенной формы общественного сознания и деятельности (науки, права, политики, искусства), составляющих экстралингвистическую основу стиля. Цели «всеобщие и неизменные», они понимаются «в... широком и объективном смысле» (Кожина, 1986, с. 61).

Комплекс базовых экстралингвистических факторов определяет отбор языковых средств, частоту их употребления, особенности сочетания, появление у них специфических семантико-стилистических окрасок. Этим создается речевая

системность функционального стиля – «взаимосвязь и взаимозависимость используемых в данной сфере языковых средств разных уровней – по горизонтали и по вертикали – на основе выполнения этими средствами единого коммуникативного задания, обусловленного назначением экстралингвистической основы соответствующей речевой разновидности и связанных между собой по определенному функциональному значению, выражающему специфику стиля» (Кожина, 1972б, с. 115-116). Системная организация речи понимается М.Н. Кожиной как «качественная прибавка» к свойствам языковой системы: функционирование языка подчиняется двойной системности – внутриязыковой и коммуникативно-функциональной; если первая реализуется, то вторая строится, организуется в процессе речеобразования (Кожина, 1968, с. 47-49; 1984, с. 9-11. Ср.: Головин, 1977, с. 21-23).

Следует отметить, что в ходе дискуссий по проблемам общей теории языка и лингвостилистики идея «речевой прибавки»¹² нередко ставилась под сомнение исследователями, подходившими к изучению языка и стиля со структурно-аналитических позиций (Мыркин, 1970; Скребнев, 1975, с. 42-43 и др.). Однако, несмотря на многообразие трактовок соотношения языка и речи, дискуссионность вопроса о предмете и задачах стилистики, ведущим направлением развития этой дисциплины становится в 70-е гг. изучение закономерностей употребления языковых средств в социально значимых сферах общения, специфики и системности основных речевых разновидностей, что соответствовало общей тенденции к переориентации лингвистических исследований с анализа языковой структуры на изучение функционирования языка.

Последующая экспликация понятия стилистико-речевой системности во многом стимулировалась идеями функциональной грамматики, коммуникативного синтаксиса и особенно лингвистики текста.

Так, изучение функционально-семантических полей русского языка (Бондарко, 1967; 1984 и др.) явилось толчком для разработки концепции функциональных семантико-стилистических категорий (Кожина, 1989; Очерки..., 1998). Организация последних, в отличие от структуры функционально-семантических полей, определяется не связью с выражаемым «понятийным содержанием», а реализацией задач коммуникации в определенной сфере общения. Категориальным статусом обладают основные специфические стилевые черты функциональных стилей – отвлеченно-обобщенность в научной речи, открытая социальная оценочность в публицистической, долженствующий характер в деловой и др., а также некоторые иные наиболее характерные признаки тех или иных речевых разновидностей (например, гипотетичность научной речи – Бедрина, 1995).

В работах Г.А. Золотовой выделение и описание конститутивных единиц текста основывается на анализе вертикального аспекта речевой системности. Так, коммуникативное назначение речи и ее типовое содержание детерминируют повторяющиеся закономерности организации разноуровневых языковых средств, а именно: взаимосвязь используемых синтаксических моделей с категориально-лексическими значениями имен, глаголов, определительных и местоименных слов, с организацией актуального членения предложения и др. (1982, с. 337-348). Признаки речевой структуры, проявляясь во взаимодействии, образуют комплексы: «там, где подсистема сюжетных времен, там и конкретные, наблюдаемые действия, и свой хронотоп, и перцептивное «присутствие» говорящего субъекта, автора» (1982, с. 348).

С усилением текстоцентрических тенденций изучения функциональных разновидностей возрастает интерес к речевым жанрам. А.Н.Васильева связывает феномен речевой системности с актуализацией носителями языка блоковых моделей, включающих обобщенное отражение типовой содержательной и ком-

муникативной ситуации. «...Языковые (в том числе стилистические) средства «отпечатываются» в нашем сознании не просто «слоями», «совокупностями», а в каких-то формах предваряющей потенциальной организации, ...они подчиняются каким-то динамическим комбинаторным моделям разных планов и разных объемов, имеющим инвариант и многочисленные варианты. Наличие их дает возможность относительно быстро и легко планировать высказывание (текст) в целом, продуцировать по принципу конкретизации матрицы целые речестилистические блоки...» (Васильева, 1983, с. 6). Обращает на себя внимание близость понятия динамических комбинаторных моделей бахтинскому понятию композиционно-стилистических форм, в которые носители языка могут свободно и легко отливать свою речь (Бахтин, 1979, с. 259).

Т.М. Матвеева (1990; 1995; 1996), подчеркивая необходимость рассмотрения функциональных стилей не только как «речевых массивов», но и с учетом строения целых текстов, исследовала стилевые модификации типологических признаков речевого произведения, иначе, текстовых категорий (темы, цепочки хода мысли, тональности и др.). Тем самым в анализе речевой системности ею переносится акцент с наиболее общих (обычно выявляемых с помощью стило-статистических методик) особенностей отбора, сочетания, частоты употребления языковых средств в различных сферах общения на стилевую и жанровую организацию текстообразующих категорий. При этом Т.В. Матвеева подчеркивает плодотворность динамического подхода к тексту – анализа структурных моделей речевого общения в виде типичных последовательностей речевых шагов. Текстовые категории предстают в этом ракурсе как структурно-смысловые линии целого текста.

В поле зрения языковедов оказываются и методологические вопросы изучения речевой системности. Заметный вклад в исследование этой проблематики внесла работа Е.В. Сидорова (1987), содержащая обоснование системно-

деятельностного подхода к речевой коммуникации. Деятельность и системность, считает указанный автор, предполагают друг друга, являются разными сторонами одного и того же (там же). Текст – это особое предметно-знаковое состояние процесса коммуникации. Наиболее общая закономерность системной организации текста состоит в его детерминированности сопряженной моделью коммуникативных деятельностей адресанта и адресата (там же, с. 132-133).

В этом сопряжении, в идее взаимосодействия (по П.К. Анохину) видит основную теоретическую предпосылку изучения системности речи и А. Стоянович (Stojanović, 1999, с. 201).

Итак, постановка проблемы «рациональной организации речевой социальной деятельности» (Г.О.Винокур) явилась важным импульсом к дальнейшему развитию отечественного речеведения, одной из основных отраслей которого стала функциональная стилистика (преимущественно в форме теории макростилей). В последующем развитии стилистики, характеризующемся усилением интереса исследователей к анализу целого текста, а также отчетливо выраженной тенденцией к снижению уровня языковой абстракции, на первый план, как уже отмечалось, постепенно выступает проблематика «жанровых стилей».

Стилистико-речевая системность в ее обусловленности содержательно-смысловой системностью жанра. Как отмечалось выше, различные виды духовной социокультурной деятельности (научной, правовой, политико-идеологической и т.д.) осуществляются с опорой на сформировавшиеся в них культурные формы (образцы), к числу которых принадлежат жанры речи. В ходе продуцирования текста той или иной жанровой разновидности первичная комплексная целеустановка субъекта речи (авторский замысел), сближаясь в каком-либо отношении с повторяющимися, социально осознанными коммуникативно-познавательными целями, развертывается в соответствии с подвижными моделями актуализации этих целей. Как подчеркивал М.М.Бахтин, «речевой за-

мысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспособляется к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» (1979, с. 257). «Чем лучше мы владеем жанрами, ... тем полнее и ярче раскрываем в них свою индивидуальность (там, где это можно и где это нужно)» (там же, с. 259).

Поскольку организация создаваемого текста определяется характером авторского замысла, при переходе с макростилевого уровня исследования на жанровый уровень и изучении жанров речи как композиционно-тематических и стилистических типов текста необходимым становится включение в анализ категории цели уже не как назначения определенного вида социокультурной деятельности, а как первичного авторского замысла, который актуализируется в этом виде деятельности, – с прослеживанием конкретизации замысла системой частных типовых целеустановок, реализуемых в виде текстовых единиц (субтекстов). Содержательно-смысловой план речевого произведения исследуется теперь не только в отношении проявления общих свойств типа мышления, но и с точки зрения иерархической организации конституирующих сообщение интеллектуально-мыслительных действий (с учетом этой важной стороны *смысловой системности* текста). Содержание же этих действий рассматривается как фактор, определяющий модально-целевую окраску речи, а также отбор и использование собственно языковых средств.

Известно, что всякая деятельность, всякое активное поведение «слагаются целиком и полностью из элементарных действий» (Котарбинский, 1975, с. 34). При изучении продуцирования текста в качестве таковых могут рассматриваться *речевые акты*, реализующие (совместно с другими речевыми актами) частные познавательные-коммуникативные целеустановки, переходящие в более общие цели.

Реализация частных типовых целеустановок определяет *типовое содержание* актов речи и в связи с этим особенности отбора разноуровневых языковых средств: моделей предложения, синтаксических форм слова, категориально-грамматических значений и др. (Золотова, 1982).

Целенаправленность актов речи детерминирует, кроме того, стилистическую окраску дискурса. В самом деле, одним из важнейших грамматических средств создания этой окраски являются, как известно, значения времен глагола. Например, глагольная форма настоящего времени регулярно выражает в научной речи вневременное (абстрактное) значение, в официально-деловой – значение долженствования, в художественной – живого представления и т.д. (Кожина, 1972, с. 119). Природа же этих значений, точнее, функций грамматической формы заключается в том, что они, по справедливому замечанию А.В. Бондарко, «представляют собой внеязыковые цели ее употребления... Подобные функции связаны с определенной сферой, условиями общения, жанром, целенаправленностью речевого акта (разрядка наша. – В.С.)» (1984, с. 32).

Оговорим, что речевой акт не отождествляется нами лишь с одной из его составляющих – с иллокутивным актом, поскольку мы не абстрагируемся от референтной ситуации, от общего контекста деятельности, в который включено сообщение, и ряда других факторов, в комплексе определяющих семантическое содержание познавательно-коммуникативного действия и особенности его речевой объективации.

Анализ примеров. Рассмотрим гипержанр (термин К.Ф.Седова) *научного обзорно-аналитического текста*, весьма показательный в плане изучаемого единства композиционно-тематической и стилистической сторон речевого произведения, а также зависимости стиля от типа оценивающей позиции субъекта и от воплощения в тексте различных форм диалогичности.

Наиболее фундаментальная цель научно-аналитического обзора состоит, по-видимому, в том, чтобы на основе исследования определенной области научного знания выявить тенденции его развития: *Цель настоящей статьи – проследить линию развития логических концепций значения... (Арут., 93); Свою задачу автор видит в том, чтобы показать эволюцию представлений психолингвистов о ... (Тар.2,7)*. В ходе актуализации этой цели субъект речи должен дать ответ на вопросы, соответствующие информационным ожиданиям адресата, осветить ряд тем.

Так, если объект метатеоретического анализа максимально масштабен, если им является развитие той или иной научной дисциплины, то с большой степенью вероятности может рассматриваться вопрос о последовательной смене научных парадигм, об эволюции отдельной парадигмы, о ее развертывании более частными концепциями. Определение места той или иной теории в системе развивающегося научного знания предполагает выделение вклада исследователя в науку и, кроме того, установление недостатков концепции, преодолеваемых последующими доктринами. Характеристика вклада ученого в научное знание, в свою очередь, предусматривает анализ понятийной системы концепции, исследование отношений этой концепции с предшествующими, современными ей и последующими доктринами. При изучении понятийного аппарата отдельной теории освещается вопрос о ее методологических принципах, системообразующей идее, о менее общих и сравнительно частных идеях, о связях и отношениях между понятиями и др. Это лишь некоторые важнейшие звенья указанной информативной модели, строение которой, ввиду ее подвижности и открытого характера, не может быть описано с исчерпывающей полнотой. Реализация данной модели в конкретных научных текстах бывает относительно полной или частичной, детальной или компрессированной, чем определяется размер речевого произведения либо его фрагмента.

Поскольку в большинстве случаев объект метатеоретического исследования не столь широк, как в приведенном примере, обзорно-аналитические тексты чаще всего создаются на основе не всей этой комбинаторной модели, а лишь некоторых ее звеньев. Так, весьма распространены научно-речевые произведения, посвященные изучению отдельной теории и ее места в развивающемся научном знании или выделению вклада ученого в науку, либо критическому переосмыслению и обобщению имеющихся результатов, анализу последних достижений науки, подводящих к новым исследованиям и др. (Воробьева, 1986; Троянская, 1989, с. 25).

Психологическая реальность рассматриваемой модели доказывается, между прочим, тем, что авторы обзорно-аналитических текстов нередко представляют ее читателям при формулировке цели и задач исследования: *...мы ставим своей целью: рассмотреть основные положения этой концепции в их взаимосвязи и взаимообусловленности с учетом удельного веса каждого положения во всей концепции автора, а также проследить за эволюцией его идей; ...сопоставить положения, выдвинутые Бодуэном, с воззрениями его современников, а также с идеями предшествующих и последующих направлений. Все это... подготовит почву для адекватного определения места Бодуэна в языкознании XIX-XX вв.* (Шар., 20).

Не останавливаясь на композиции целых речевых произведений, обратимся к небольшим относительно автономным текстовым фрагментам (сверхфразовым единствам и их последовательностям), конституируемым сравнительно небольшим числом актов речи, к содержательно-смысловой и обусловленной ею поверхностно-речевой организации этих отрезков текста:

Гораздо более перспективными с этой точки зрения кажутся теории значения, опирающиеся на структурно-системное понимание природы естественного языка. [

В этом плане интересным является подход Д. Ротбарта, с точки зрения которого в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты [10]. Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные. Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятия. Например, семантическая постоянная слова «металл» - его способность взаимодействовать с кислотами. Семантические переменные передают несущественные свойства типа цвета, ковкости и т.д. С позиций Д. Ротбарта, необходимое условие успешности метафорического переноса - участие семантических постоянных. В случае же участия в переносе семантических переменных образуются, как правило, неудачные метафоры. Д. Ротбарт приводит следующий пример - австралийские аборигены, впервые увидев книгу, назвали ее «раковиной» на основании того, что книга, как и раковина, открывается и закрывается. Очевидно, что выражение «Книга - раковина» было образовано путем переноса несущественной с нашей точки зрения переменной и поэтому явилось неудачной метафорой (Петр., 136-137).

Оценивающая позиция субъекта речи, будучи одним из главнейших жанрообразующих факторов, проявляется здесь в актуализации целеустановки на осмысление наиболее важных идей в развитии некоторой области знания. Содержание этих идей разъясняется читателю, налицо «разговор с ним», диалогичность в форме «я – вы» (Кожина, 1986, с. 68). При этом различные подходы к проблеме сравниваются и оцениваются субъектом речи (*Гораздо более перспективными... кажутся теории значения...*), тем самым в широком контексте реализуется и разновидность диалогичности «он₁ – он₂ – я» (там же).

Естественно, что речевая организация этого фрагмента обнаруживает инвариантную стилевую черту научного стиля – отвлеченно-обобщенность. Однако на фоне этой черты проявляется еще и функциональное значение интерпрета-

ции некоторой научной концепции – выделения основных положений последней и целенаправленного доведения их до сознания адресата. Этим модальная окраска рассматриваемого фрагмента текста отличается от окраски научных же текстов, в которых, например, выдвигается гипотеза о природе изучаемых явлений или описываются эмпирические факты, либо ведется дискуссия и т.д.

Но и в границах указанного функционального значения дополнительно обнаруживается ряд модально-целевых окрасок – представления читателю базовой идеи (*в метафорическом переносе «задействовано» не все буквальное значение, а только его отдельные фрагменты*) и важнейших концептов интерпретируемой теории (*Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные*), определения содержания этих концептов (*Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятия*), иллюстрирования тех или иных положений (*Например, семантическая постоянная слова «металл» - его способность взаимодействовать с кислотами*), комментирования иллюстраций, разъяснения их смысла (*...выражение «Книга - раковина» было образовано путем...*) и др.

Такого рода модально-целевые окраски, определяемые содержанием тех или иных познавательно-речевых действий, соотносимы с понятием иллюкутивной силы, но, как говорилось, не исчерпываются им. Эти действия не отделяются нами от деятельности, а рассматриваются как ее компоненты и, следовательно, принимается в расчет их мотивационная насыщенность (Рубинштейн, 1989, с. 41). Так, разъяснение смысла примеров, иллюстраций - это в данном случае часть деятельности по иллюстрированию тех или иных идей концепции и, опосредованно, по определению ключевых понятий последней.

Как видим, система коммуникативно-познавательных действий, реализующих некоторую комплексную целеустановку (выделить, интерпретировать и разъяснить адресату базовые идеи рассматриваемой концепции), обуславливает

модальную окраску фрагмента текста, являющегося результатом актуализации этой целеустановки.

Указанная система действий детерминирует, кроме того, композицию текстового фрагмента: сначала в общем плане формулируется суть подхода ученого к проблеме, затем в строгой логической последовательности определяются, разъясняются и иллюстрируются важнейшие понятия и связи между ними.

При этом данная схема построения фрагмента речевого произведения воспроизводима как в целом, так и в отдельных своих звеньях. Ср., например, повторяющиеся речевые построения, функцией которых является характеристика ряда коррелятивных понятий:

Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические постоянные и семантические переменные. Семантические постоянные передают наиболее существенные свойства семантики понятия. Например, семантическая постоянная слова «металл» - его способность взаимодействовать с кислотами. Семантические переменные передают несущественные свойства типа цвета, ковкости и т.д.;

К. Льюис различает в семантике имени четыре компонента: денотацию, или экстенсию, коннотацию, или интенсию, протяженность (comprehension) и обозначаемое, или сигнификацию. Под протяженностью, или объемом, терма Льюис имеет в виду все существующие и мыслимые предметы, к которым может быть отнесен данный терм и утверждение о существовании которых не таит в себе противоречия. Так, объем терма квадрат охватывает все существующие и воображаемые квадраты, но не включает круглых квадратов <...> (Арут., 99).

В обоих случаях (количество примеров могло бы быть умножено) субъект речи проспективно представляет читателю важнейшие понятия концепции, затем определяет и поясняет их.

Повторяются в типовых фрагментах текста и конструктивные приемы, в данном случае – прием иллюстрирования тех или иных положений исследуемой теории с помощью ярких примеров (обычно предложенных автором этой теории):

Ротбарт приводит следующий пример - австралийские аборигены, впервые увидев книгу, назвали ее «раковиной» на основании того, что книга, как и раковина, открывается и закрывается. Очевидно, что выражение «Книга - раковина» было образовано путем переноса несущественной с нашей точки зрения переменной и поэтому явилось неудачной метафорой;

[Фреге сосредоточил свое внимание на том факте, что слова и выражения, обладающие разным значением, могут быть тем не менее отнесены к одному и тому же предмету.] Так, выражения утренняя звезда и вечерняя звезда оба приложимы к Венере, появляющейся на небосклоне в утренние и вечерние часы; победитель при Иене и побежденный при Ватерлоо называют одного и того же полководца – Наполеона, для которого по-разному сложился исход упомянутых сражений (Арут., 98-99).

Примечательно, что субъект речи, продуцируя подобные речевые построения, как бы поддерживает живой контакт с адресатом: прибегая в необходимых случаях к пояснениям, используя яркие примеры, дает ему возможность осознать смысл анализируемых идей и лишь затем переходит к другим положениям, стремится достичь «сомыслия» с читателем.

Наконец, нужно подчеркнуть, что репродуктивная система компонентов виртуальной модели - типовых коммуникативно-познавательных действий - определяет системную взаимосвязь конкретных актов речи (высказываний и субвысказываний), причем для реализации цели этих действий формируется репертуар типовых употреблений языковых средств. Так, тот или иной речевой акт, например, *Ротбарт выделяет в структуре понятий семантические по-*

стоянные и семантические переменные, своею целеустановкой (представить читателям важнейшие понятия исследуемой концепции) связан с другими актами речи, назначение которых состоит в определении этих понятий, разъяснении их содержания. При реализации указанной типовой цели регулярно употребляется особая лексико-синтаксическая конструкция – модель предложения N_1-V_f в таком ее лексическом наполнении, при котором подлежащее выражено именем собственным, сказуемое - переходным глаголом речемыслительной семантики, а прямое дополнение - существительным или субстантивным словосочетанием терминологического значения: *Фреге предложил различать... способность к референции... и смысл*. Отметим при этом, что в соответствии с организацией модели коммуникативно-познавательных действий данная конструкция занимает инициальное положение в составе текстового фрагмента. За ней следуют конструкции, практикой общения приспособленные для определения понятия. Их репертуар весьма разнообразен. Ср. смысловую близость (эквивалентность) высказываний: *Семантическими постоянными Ротбарт называет наиболее существенные свойства семантики понятия; Согласно Ротбарту, семантические постоянные – это...; Под семантическими постоянными Ротбарт понимает...; Для обозначения... Ротбарт использует термин «семантические постоянные»* и др. (Заметим, что в соответствующем контексте функцию определения понятия может выполнять любое предложение, описывающее существенные свойства изучаемого объекта.) Далее, установка на иллюстрирование тех или иных дефиниций приводит к использованию вводных слов *например, так*, клишированных предложений типа: *Примером чего-л. может служить что-л.; Кто-л. приводит следующий пример; Что-л. можно проиллюстрировать примером* и т.п.

Таким образом, репродуктивные особенности отбора, размещения, сочетания, речевой модификации языковых средств определяются моделью разверты-

вания содержательно-смысловой стороны сообщения – системой повторяющихся целеустановок по отношению к объекту и к адресату. В результате складываются стили типовых субтекстов, т.е. субжанров.

Субжанровые же стили объединяются типовым замыслом целого текста и образуют стиль речевого жанра как разновидность стилистико-речевой системности соответствующего функционального макростилия. Соответственно гибкости, подвижности смысловой организации жанра изменчиво, вариативно и строение его речевой ткани.

* * *

Итак, жанровые стили, или, иначе, жанровые разновидности стилистико-речевой системности, могут быть определены как взаимосвязь актов речи на основе взаимосвязи их типовых целеустановок, объединенных типовой целью более общего характера (ср. приводившуюся мысль Г.О. Винокура о том, что несколько актов речи – уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая социальной значимостью); эти целеустановки детерминируют особенности построения дискурса, его функциональную окраску, закономерности отбора и использования языковых средств.

Охарактеризованный подход к изучению жанровых стилей представляется значимым для раскрытия единства внутренней и внешней организации жанра. Кроме того, получает развитие очень важное для стилистики положение о целесообразности видов речевой системности, сложившихся в разных сферах и ситуациях общения, так как вводится представление о детерминированности жанровых типов стилистико-речевой организации воспроизводимой (но при этом “гибкой”, варьирующейся) системой познавательных-коммуникативных целей и реализующих их действий.

Библиография

1. Арутюнова Н.Д. Жанры общения // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
2. Баженов Л.Б. Строение и функции естественнонаучной теории. М., 1978.
3. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
5. Баранов А.Г. Динамическая стилистика (контекстуализм vs актуализм) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.
6. Баранов А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста // Stylistyka. IV. Tekst i styl. Opole, 1995.
7. Баранов А.Г. Когниотипичность текста // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
8. Барнет Вл. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. Красноярск, 1985. Т. 1.
9. Батищев Г.С. Неисчерпанные возможности и границы применимости категории деятельности // Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990.
10. Бахтин М.М. К философии поступка // Он же. Работы 1920-х годов. Киев, 1994а.
11. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Там же. Киев, 1994б.
12. Бахтин М.М. Под маской. Маска первая. В.Н. Волошинов. Фрейдизм. М., 1993а.
13. Бахтин М.М. Под маской. Маска вторая. Медведев П.Н. Формальный метод в литературоведении. М., 1993б.
14. Бахтин М.М. Под маской. Маска третья. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. М., 1993в.
15. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972.
16. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
17. Бедрина И.С. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург, 1995.
18. Библер В.С. Понятие как элементарная форма движения науки // Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967.
19. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М., 1991.
20. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
21. Богин Г.И. Речевой жанр как средство индивидуации // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
22. Бондарко А.В. К проблеме функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. 1967. № 2.
23. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984.
24. Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
25. Борисова И.Н. Цельность разговорного текста в свете категориальных сопоставлений // Stylistyka. V. Opole, 1997.
26. Борисова И.Н. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
27. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001.

28. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка. М., 1983.
29. Бранский В.П. Научное исследование // Диалектика познания. Л., 1988.
30. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967.
31. Бунге М. Философия физики. М., 1975.
32. Бургин М.С., Кузнецов В.И. Номологические структуры научных теорий. Киев, 1993.
33. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
34. Варшавская А.И., Карташкова Ф.И., Кузьмина Т.Е., Сафронова Т.Н. Естественная языковое обеспечение процедуры классификации. Л., 1991.
35. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976.
36. Васильева А.Н. Функциональное направление в лингвостилистике и его значение в преподавании русского языка как иностранного: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1981.
37. Васильева А.Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982.
38. Васильева А.Н. О формах существования функционально-стилистической системы // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь, 1983.
39. Васильева А.Н. О целостном комплексе стилоопределяющих факторов на уровне макро-стилей // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.
40. Васильева А.Н. Основы культуры речи. М., 1990.
41. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
42. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
43. Вепрева И.Т. Разговорная норма: в поисках новых критериев // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
44. Виноградов В.В. О художественной прозе М; Л, 1930.
45. Виноградов В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVIII-XIX вв. // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1946. Т.5, вып. 3.
46. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1.
47. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
48. Виноградов В.В. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Он же. О языке художественной прозы. М., 1980.
49. Виноградов В.В. Очерки истории русского литературного языка XVIII-XIX вв. М., 1982.
50. Винокур Г. Культура языка. М., 1925.
51. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Он же. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
52. Винокур Г.О. Проблема культуры речи // История советского языкознания: Хрестоматия. М., 1988.
53. Винокур Г.О. Поэтика. Лингвистика. Социология // Он же. Филологические исследования. М., 1990.
54. Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
55. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. М., 1972.
56. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.
57. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М., 1993.

58. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994. Ч.1.
59. *Войскунский А.Е.* К анализу условий возникновения некоторых коммуникативных целей // Психологические механизмы целеобразования. М., 1977.
60. *Войтак М.* Проявление стандартизации в высказываниях религиозного стиля (на материале литургической молитвы) // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998.
61. *Войтак М.* Стереотипизация и креативность в вотивной молитве // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999.
62. *Войтак М.* Стереотипизация и творчество в поэтической молитве // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2000.
63. *Воробьева М.Б.* Некоторые особенности научного произведения обзорного характера // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986.
64. *Гавранек Б.* Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967а.
65. *Гавранек Б.* О функциональном расслоении литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967б.
66. *Гайда Ст.* Проблемы жанра // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.
67. *Гайда Ст.* Стилистика и генология // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.
68. *Гайда Ст.* Жанры разговорных высказываний // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
69. *Гайсина Р.М.* Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. Саратов, 1981.
70. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
71. *Гальперин И.Р.* К проблеме дифференциации стилей речи // Проблемы современной филологии. М., 1965.
72. *Гальперин И.Р.* Является ли стилистика уровнем языка? // Проблемы языкознания. М., 1967.
73. *Гальперин И.Р.* Грамматические категории текста // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. 1977. №6.
74. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
75. *Гардинер А.* Различие между «речью» и «языком» // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М., 1960. Ч. 2.
76. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
77. *Гаузенблас К.* К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. 1967. № 5.
78. *Гельгардт Р.Р.* О стилистических категориях // Там же. 1968. № 6.
79. *Гипотеза* в современной лингвистике. М., 1980.
80. *Головин Б.Н.* Язык и статистика. М., 1971.
81. *Головин Б.Н.* О некоторых направлениях и задачах изучения лексики, терминологии и стилей // Лексика. Терминология. Стили. Горький, 1973. Вып.1.
82. *Головин Б.Н.* Основы теории речевой культуры. Горький, 1977.
83. *Головин Б.Н.* Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка // Вопросы стилистики. Саратов, 1978. Вып. 14.
84. *Головин Б.Н.* Язык // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М., 1979.
85. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980.

86. Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
87. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
88. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
89. Горнунг Б.В. Несколько соображений о понятии стиля и задачах стилистики // Проблемы современной филологии. М., 1965.
90. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1998.
91. Городецкий Б.Ю. От редактора // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. Теория речевых актов.
92. Горский Д.П. О видах определений и их значении в науке // Проблемы логики научного познания. М., 1964.
93. Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991.
94. Давидович В.Е. Онтология культуры // Культурология. Ростов н/Д., 1995.
95. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д., 1979.
96. Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь, 1992.
97. Данилов С.Ю. Речевой жанр проработки в тоталитарной культуре. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
98. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8.
99. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
100. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
101. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1.
102. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов, 2000.
103. Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.
104. Долинин К.А. О некоторых понятиях лингвистической стилистики / МГПИИЯ им. М. Горького: Сб. науч. трудов. М., 1973. Вып. 73.
105. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
106. Долинин К.А. Стиль в общесемиотической перспективе и границы стилистического в языке // Основные понятия и категории лингвостилистики. Пермь, 1982.
107. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6.
108. Долинин К.А. Интерпретация текста. М., 1985.
109. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Изд. 2-е. М., 1987.
110. Долинин К.А. Проблема речевых жанров через сорок пять лет после статьи Бахтина // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
111. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
112. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.
113. Дубровский Д.И. Проблема идеального. М., 1983.

114. *Дускаева Л.Р.* Диалогичность речевых жанров в газетной публицистике // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001.
115. *Едличка А.* Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
116. *Елсуков А.Н.* Эмпирическое познание и факты науки. Минск, 1981.
117. *Ельмслев Л.* Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч.2.
118. *Енина Л.В.* Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1999.
119. *Жариков Е.С.* О действиях, составляющих постановку научной проблемы // Философские науки. 1973. № 1.
120. *Жариков Е.С.* Научная проблема в условиях научно-технической революции // Творчество в научном познании. Минск, 1976.
121. *Жинкин Н.И.* Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. 1955. № 3.
122. *Жинкин Н.И.* Развитие письменной речи учащихся III –УII классов // Изв. АПН РСФСР. 1956. Вып. 78.
123. *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. М., 1978.
124. *Захарова Е.П.* Коммуникативные нормы речи // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
125. *Звегинцев В.А.* Функция и цель в лингвистической теории // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
126. *Земская Е.А.* Введение // Русская разговорная речь. М., 1973.
127. *Земская Е.А.* Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
128. *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. №3.
129. *Земская Е.А., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование. М., 1988.
130. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
131. *Золотова Г.А.* Синтаксический словарь. М., 1988.
132. *Иванова Т.Б.* Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1988.
133. *Иванчикова Е.А.* О дифференциации жанровых форм речи // Структура лингвостилистики и ее основные категории. Пермь, 1983.
134. *Иванчикова Е.А.* Жанровые формы речи газетной публицистики (Опыт типологии текстов) // Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987.
135. *Ионин Л.Г.* Понятийный аппарат социологического анализа культуры // Методологические проблемы теоретико-прикладных исследований культуры. М., 1988.
136. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск, 1999.
137. *Каган М.С.* Человеческая деятельность. М., 1974.
138. *Кайда Л.Г.* Эффективность публицистического текста. М., 1989.
139. *Капанадзе Л.А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988.
140. *Капанадзе Л.А.* Развитие речевых жанров в русском языке // Русский язык/ Под ред. Е. Н. Ширяева. Орле, 1997.

141. *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959.
142. *Киуру К.В.* Референт как профессиональный коммуникатор (анализ стереотипного речевого поведения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999.
143. *Кобозева И.М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
144. *Кожевникова К.* Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста, М., 1979.
145. *Кожина М.Н.* О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962.
146. *Кожина М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966.
147. *Кожина М.Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.
148. *Кожина М.Н.* Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970.
149. *Кожина М.Н.* О необходимости расширения объекта лингвистических исследований // Вопросы стилистики. Саратов, 1972а. Вып. 5.
150. *Кожина М.Н.* О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972б.
151. *Кожина М.Н.* О соотношении стилистической окраски, стилеобразующих средств и стиля // Исследования по стилистике. Пермь, 1974. Вып. 4.
152. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М., 1977.
153. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Изд. 2-е. М., 1983.
154. *Кожина М.Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984.
155. *Кожина М.Н.* О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986.
156. *Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филологические науки. 1987. №2.
157. *Кожина М.Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы. М., 1989.
158. *Кожина М.Н.* Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте // *Stylistyka I.* Opole, 1992.
159. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Изд. 3-е. М., 1993.
160. *Кожина М.Н.* Некоторые особенности функционирования числа имен существительных // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь, 1994. Т.1, ч. 1.
161. *Кожина М.Н.* Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. 1996. Т. II, ч.1.
162. *Кожина М.Н.* Речеведческий аспект теории языка // *Stylistyka.* УП. Opole, 1998.
163. *Кожина М.Н.* Стиль и жанр: их вариативность, историческая изменчивость и соотношение // *Stylistyka.* УИИ. Styl i gatunek. Opole, 1999а.
164. *Кожина М.Н.* Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 1999б.
165. *Кожина М.Н.* Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Речевые жанры. Саратов, 1999в. Вып. 2.

166. *Кожина М.Н., Плюскина Т.Н.* Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. Пермь 1998. Т. 2, ч. 2.
167. *Кондаков Н.И.* Логический словарь. М.: Наука, 1971.
168. *Кормилицына М.А.* Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи. Саратов, 1988.
169. *Косериу Э.* Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.
170. *Костомаров В.Г.* Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. М., 1970. Вып. 5.
171. *Костомаров В.Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
172. *Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе. М., 1975.
173. *Котюрова М.П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. Красноярск, 1988.
174. *Котюрова М.П., Красавцева Н.А.* Классификация в русских и английских научных текстах // Stylistyka. III. Opole, 1994.
175. *Краевская Н.М.* Ситуация как фактор дифференциации типов устной речи // Лингвостилистические особенности научного текста. М., 1981.
176. *Краснова Т.И.* Стиль – категория прагматическая (идеографические аспекты стиля) // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994.
177. *Крижановская Е.М.* Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь, 1996. Т.2, ч.1.
178. *Крылова О.А.* Функциональные стили языка // Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
179. *Крылова О.А.* Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
180. *Крылова О.А.* Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2001.
181. *Крылова О.А., Преображенский С.Ю., Ремчукова Е.Н.* Грамматика и стилистика прагматического выбора // Stylistyka. VI. Opole, 1997.
182. *Крысин Л.П.* Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
183. *Кузнецов И.В.* Избранные труды по методологии физики. М., 1975.
184. *Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира. М., 1984.
185. *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск, 1999.
186. *Купина Н.А.* Лирика раннего Маяковского. Лингвистический анализ. Свердловск, 1988.
187. *Купина Н.А.* Замысел автора или вымысел читателя? // Речевое мышление и текст. Воронеж, 1993.
188. *Купина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург, Пермь, 1995.
189. *Купина Н.А.* Опыт лингвоидеологического анализа разговорного текста // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
190. *Купина Н.А.* Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.

191. *Купина Н.А., Битенская Г.В.* Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст, Культура. Екатеринбург, 1994.
192. *Купина Н.А., Матвеева Т.В.* От культуры речи к новой русской риторике // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
193. *Лазарева Э.А.* Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.
194. *Ланн Л.М.* Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи». Иркутск, 1993.
195. *Лантева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
196. *Лантева О.А.* О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1984. № 6.
197. *Лантева О.А.* Дискуссионные вопросы изучения устной литературной речи в аспекте теории нормы // Статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1992.
198. *Лантева О.А.* Стратификация литературной нормы // Stylistyka. III. Opole, 1994.
199. *Лариохина Н.М.* Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.
200. *Лариохина Н.М.* Об использовании типового научного текста в обучении русскому языку специалистов-нефилологов // Русский язык за рубежом. 1985. № 3.
201. *Левин В.Д.* О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5.
202. *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
203. *Леонтьев А.А.* Понятия «стиль речи» и «стиль языка» в ряду других понятий лингвистики речи / МГПИИЯ им. М. Тореза: Сб. науч. трудов. М., 1973. Вып. 73
204. *Леонтьев А.А.* Психология общения. Тарту, 1974.
205. *Леонтьев А.А.* Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
206. *Леонтьев А.А.* «Единицы» и уровни деятельности // Вестник МГУ. Сер. Психология. 1978. № 2.
207. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
208. *Леонтьев А.Н.* Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12.
209. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
210. *Лимантов Ф.С.* Лекции по логике вопросов. Л., 1975.
211. *Лузина Л.Г.* Прагматика стиля: теоретический аспект // Проблемы современной стилистики: Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1989.
212. *Лузина Л.Г.* Проблемы стилистики в лингвопрагматической интерпретации // Прагматика и семантика. Сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1991.
213. *Лысакова И.П.* Язык газеты: социолингвистический аспект. Л., 1981.
214. *Майданов А.С.* Процесс научного творчества. М., 1983.
215. *Майданова Л.М.* Структура и композиция газетного текста. Средства выразительного письма. Красноярск, 1987.
216. *Майданова Л.М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.
217. *Майданова Л.М.* Практическая стилистика жанров СМИ. Заметка, интервью, статья. Екатеринбург, 1996.
218. *Майданова Л.М., Соболева Е.Г., Чепкина Э.В.* Общественная концепция личности и жанрово-стилистические характеристики текстов в средствах массовой информации // Stylistyka VI, Opole, 1997.
219. *Майр Э.* Принципы зоологической систематики. М., 1971.
220. *Мальчевская Т.Н.* Специфика научных текстов и принципы их классификации // Особенности стиля научного изложения. М., 1976.

221. *Мамчур Е.А.* Отечественная философия науки: 60-90-е годы. Структура, основания и развитие научного знания // Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: предварительные итоги. М., 1997.
222. *Маркарян Э.С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969.
223. *Маркарян Э.С.* Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М., 1983.
224. *Матвеева Т.В.* Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.
225. *Матвеева Т.В.* Непринужденный диалог как текст // Человек – текст – культура. Екатеринбург, 1994.
226. *Матвеева Т.В.* К лингвистической теории жанра // Collegium. 1-2. Киев, 1995.
227. *Матвеева Т.В.* Тональность разговорного текста: три способа описания // Stylistyka. У. Opole, 1996.
228. *Матвеева Т.В.* К вопросу о ритме как жанрообразующем признаке в разговорной речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
229. *Матвеева Т.В.* Об ортологии текста // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
230. *Матезиус В.* Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
231. *Методические* указания к систематике растений. М., 1986.
232. *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1964.
233. *Митрофанова О. Д.* Язык научно-технической литературы. М., 1973.
234. *Михайлова О.А.* О чем говорит чужая речь на газетной полосе? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000.
235. *Мишиланов В.А.* Предмет речеведения и его отношение к лингвистике // Речеведение. Научно-методические тетради. №1. Новгород, 1999.
236. *Морфология* культуры: Структура и динамика. М., 1994.
237. *Мостепаненко М.В.* Философия и методы научного познания. Л., 1972.
238. *Мостепаненко М.В.* Естественнонаучная картина мира как итог и как исходная основа исследования в естественных науках // Научная картина мира. Логико-гносеологический аспект. Киев, 1983.
239. *Мурат В.П.* Об основных проблемах стилистики. М., 1957.
240. *Мурзин Л.Н.* Основы дериватологии. Пермь, 1984.
241. *Мыркин В.Я.* Некоторые вопросы понятия речи в корреляции: язык – речь // Вопросы языкознания. 1970. № 1.
242. *Наер В.Л.* К проблеме жанра в системе функционально-стилевой дифференциации языка // Стилистические аспекты устной и письменной коммуникации: Учен. зап. МГПИИЯ. М., 1987. Вып. 286.
243. *Никитин Е.П.* Объяснение – функция науки. М., 1970.
244. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1994.
245. *Одинцов В.В.* Стилистика текста. М., 1980.
246. *Одинцов В.В.* Композиционные типы речи // *Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.* Функциональные типы русской речи. М., 1982.
247. *Ойзерман Т.И.* Эмпирическое и теоретическое: различие, противоположность, единство // Вопросы философии. 1985. № 12.
248. *Орлова Н.В.* Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.

249. *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII - XX вв.* Пермь, 1998. Т. II, ч. 2.
250. *Панфилов А.К.* Лекции по стилистике русского языка. М., 1968.
251. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991.
252. *Петров М.К.* Социально-культурные основания развития современной науки. М., 1992.
253. *Пиотровский Р.Г.* О некоторых стилистических категориях // Вопросы языкознания. 1954. № 1.
254. *Поливанов Е.Д.* Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
255. *Почепцов Г.Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998.
256. *Психологические механизмы целеобразования.* М., 1977.
257. *Радзиевская Т.В.* Научный текст как представитель особого типа коммуникации // Научно-техническая информация. М., 1984.
258. *Радзиевская Т.В.* Текстовая коммуникация. Текстобразование // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992.
259. *Разинкина Н.М.* Некоторые общие проблемы изучения функционально-речевого стиля // Особенности стиля научного изложения. М., 1976.
260. *Разинкина Н.М.* О понятии стереотипа в языке научной литературы (к постановке вопроса) // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985.
261. *Ракитов А.И.* О природе эмпирического знания // Логическая структура научного знания. М., 1965.
262. *Ризель Э. Г.* Полярные стилевые черты и их языковые воплощения // Иностранные языки в школе. 1961. № 3.
263. *Ризель Э.Г.* К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц // Там же. 1975. № 6.
264. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
265. *Романенко А.П., Санджи-Гаряева З.С.* Образ оратора как категория советской риторики // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
266. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1989. Т. 2.
267. *Рудозуб Е.Н.* Стилеобразующие средства жанров делового и бытового общения в русском языке XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1999.
268. *Рузавин Г.И.* Научная теория. Логико-методологический анализ. М., 1978.
269. *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1.
270. *Рытникова Я.Т.* Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
271. *Рытникова Я.Т.* Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
272. *Рябцева Н.К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания. 1992. № 4.
273. *Рябцева Н.К.* Научная речь на английском языке; Новый словарь-справочник активного типа. М., 2000.
274. *Салимовский В.А.* Смысловая структура научного текста в отношении к дотекстовым единицам // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв. Пермь, 1996. Т. 2., ч. 1.
275. *Седов К.Ф.* «Новояз» и речевая культура личности // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25.
276. *Седов К.Ф.* Становление дискурсивного мышления языковой личности. Саратов, 1999.

277. Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.
278. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17.
279. Сибирякова И.Г. Стандарты тематического развертывания в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург, 1996.
280. Сибирякова И.Г. Тема и жанр в разговорной речи // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1.
281. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. М., 1987.
282. Сиротинина О.Б. Разговорная речь (определение, понятия, основные проблемы) // Вопросы социальной лингвистики. М., 1969.
283. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
284. Сиротинина О.Б. Заключение // Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика. Саратов, 1992.
285. Сиротинина О.Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2.
286. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Опыт системного исследования. Томск, 1981.
287. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975.
288. Скребнев Ю.М. Стилистика текста и лингвистическая стилистика // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987.
289. Славгородская Л.В. Научный диалог. М., 1986.
290. Славин А.В. Проблема возникновения нового знания. М., 1976.
291. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М., 1954.
292. Солганик Г.Я. Введение // Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
293. Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.
294. Солганик Г.Я. К проблеме модальности текста // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
295. Солганик Г.Я. О субъективно-модальном значении синтаксических конструкций // Stylistyka УІІ. Opole, 1997.
296. Солганик Г.Я. Текстовая модальность как семантическая основа текста и важнейшая стилевая категория // Stylistyka, УІІІ. Opole, 1999.
297. Солганик Г.Я. Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.
298. Сорокин Ю.С. К вопросу об основных понятиях стилистики // Вопросы языкознания. 1954.
299. Со Ын Ён Речевой жанр современного церковно-религиозного послания: Автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2000.
300. Степанов Ю.С. Французская стилистика. М., 1965.
301. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М., 1966.
302. Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
303. Степин В.С. Становление научной теории. Минск, 1976.
304. Степин В.С. Идеалы и нормы в динамике научного поиска // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981.
305. Степин В.С., Елсуков А.Н. Методы научного познания. Минск, 1974.

306. *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994.
307. *Стернин И.А.* Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // *Жанры речи.* Саратов, 1999.
308. *Стернин И.А.* Можно ли культурно формировать культуру в современной России? // *Культурно-речевая ситуация в современной России.* Екатеринбург, 2000.
309. *Стилистика* газетных жанров. М., 1981.
310. *Судаков К.В.* Предисловие // *Анохин П.К.* Узловые вопросы теории функциональной системы. М., 1980.
311. *Тарасенко Т.В.* Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1999.
312. *Тарасов Е.Ф.* Социолингвистические проблемы теории речевой коммуникации // *Основы теории речевой деятельности.* М., 1974.
313. *Тарасов Е.Ф.* К построению теории речевой коммуникации // *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М.* Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
314. *Тарасов Е.Ф.* Стилистика и психолингвистика // *Проблемы современной стилистики: Сб. науч.-аналит. обзоров.* М., 1989.
315. *Теоретические* проблемы стилистики текста: Тезисы докладов. Казань, 1985.
316. *Троянская Е.С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М., 1982.
317. *Троянская Е.С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // *Общие и частные проблемы функциональных стилей.* М., 1986.
318. *Троянская Е.С.* Обучение чтению научной литературы. М., 1989.
319. *Тункель В.Д.* Прием и последующая передача речевого сообщения // *Вопросы психологии.* 1964. № 4.
320. *Тураева З.Я.* Лингвистика текста и категория модальности // *Вопросы языкознания.* 1994. № 3.
321. *Уледов А.К.* Духовная жизнь общества. М., 1980.
322. *Федоров А.В.* В защиту некоторых понятий стилистики // *Вопросы языкознания.* 1954. № 5.
323. *Федоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.
324. *Федосюк М.Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // *Вопросы языкознания.* 1997. № 5.
325. *Федосюк М.Ю.* Комплексные жанры разговорной речи: «утешение», «убеждение» и «уговоры» // *Русская разговорная речь как явление городской культуры.* Екатеринбург, 1996.
326. *Фресс П.* Экспериментальный метод // *Фресс П., Пиаже Ж.* Экспериментальная психология. М., 1966.
327. *Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
328. *Хализев В.Е.* Наследие М.М. Бахтина и классическое видение мира // *Филологические науки.* 1991. № 5.
329. *Хорошая* речь. Саратов, 2001.
330. *Хоффман Л.* Научный стиль и подязыки науки и техники // *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация.* Пермь, 1986.
331. *Храмович М.А.* Научный эксперимент, его место и роль в познании. Минск, 1972.
332. *Чавчавадзе Н.З.* Культура и ценности. Тбилиси, 1984.

333. *Чепкина Э.В.* Журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). Екатеринбург, 2000.
334. *Чепкина Э.В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000): Автореф. дис... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.
335. *Чернухина И.Я.* Что такое стиль? // *Stylistyka*, IV. Opole, 1995.
336. *Чернявская В.Е.* Интертекстуальность как текстообразующая категория вторичного текста в научной коммуникации (на материале немецкоязычных научно-критических текстов рецензий). Ульяновск, 1996.
337. *Чернявская В.Е.* Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса*. СПб., 2001.
338. *Чехова М.* Основные понятия функциональной стилистики и их взаимоотношение // *Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте*. Пермь, 1994.
339. *Чунаева А.А.* Категория цели в современной науке и ее методологическое значение. Л., 1979.
340. *Шалина И.В.* Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Автореф. дисс... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998.
341. *Шапир М.И.* Комментарии // *Винокур Г.О.* Филологические исследования. М., 1990.
342. *Швырев В.С.* Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.
343. *Швырев В.С.* Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М., 1988.
344. *Ширяев Е.Н.* Типы норм и вопрос о культурно-речевых оценках // *Культурно-речевая ситуация всовременной России*. Екатеринбург, 2000.
345. *Ширинкина М. А.* Вторичный деловой текст и его жанровые разновидности: Автореф. дис... канд. филол. наук. Пермь, 2001.
346. *Шмелев Д.Н.* Русский язык в его функциональных разновидностях (К постановке проблемы). М., 1977.
347. *Шмелева Т.В.* Модус и средства его выражения в высказывании // *Идеографические аспекты русской грамматики*. М., 1988.
348. *Шмелева Т.В.* Речевой жанр // *Русистика*. Берлин, 1990. №2.
349. *Шмелева Т.В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1994.
350. *Шмелева Т.В.* Речеведение. Новгород, 1996.
351. *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // *Жанры речи*. Саратов, 1997а. Вып. 1.
352. *Шмелева Т.В.* Речеведение: в поисках теории // *Stylistyka*. VI. Opole, 1997б.
353. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1995.
354. *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // *Он же*. Язык и его функционирование. М., 1986а.
355. *Якубинский Л.П.* По поводу книги В.М. Жирмунского «Композиция лирических стихотворений» // Там же. М., 1986б.
356. *Daneš F.* *Stylistika – textová lingvistika – rétorika* // *Stylistyka*. IV. *Tekst i styl*. Opole, 1995.
357. *Daneš F.* *Jazyk vědy* // *Daneš F. a kolektiv*. *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha, 1997.
358. *Daneš F.* *Jakou řečí mluví věda. Modalizace vědeckého diskurzu* // *SaS*. 2000. № 61.
359. *Dobrzyńska T.* *Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina)* // *Typy tekstów*. Red. T. Dobrzyńska. Warszawa, 1992.
360. *Duszak A.* *Academic discourse and intellectual styles* // *Journal of Pragmatics*. 1994. Vol. 21.
361. *Enkvist N.E.* *Text and discourse: Linguistics, rhetoric and stylistics* // *Discourse and literature: New approaches to the analysis of lit.* Amsterdam, 1985.

362. *Fix U.* Zur Berechtigung, zu Problemen und Möglichkeiten der Stilforschung // Stilfragen. Berlin; New York, 1995.
363. *Gajda S.* Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym. Warszawa; Wrocław, 1982.
364. *Gajda S.* Współczesna polszczyzna naukowa. Język czy żargon? Opole, 1990.
365. *Gajda S.* Stan współczesnej stylistyki a synteza stylistyczna // Synteza w stylistyce słowiańskiej. Opole, 1991.
366. *Gajda S.* Stylistics Today // Stylistyka. I. Stylistyka dziś. Opole, 1992.
367. *Gajda S.* Styl osobniczy uczonych // Styl a tekst. Opole, 1996.
368. *Hausenblas K.* K základním pojmům jazykové stylistiky // SaS. 1955. R. XYI. № 1.
369. *Hausenblas K.* Výstavba slovesných komunikátů a stylistika (K současnému stavu stylistického bádání slavistického) // Československé přednášky pro YI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968.
370. *Hausenblas K.* Výstavba jazykových projevů a styl. Praha, 1972.
371. *Hausenblas K.* Stručná charakteristika stylu a stylistiky // Stylistyka. IY. Tekst i styl. Opole, 1995.
372. *Hoffmannová J.* Fatická funkce jazyka, konverzace a její žánry // SaS. 1996(a). LYII. 3.
373. *Hoffmannová J.* Ke stylu deníkové a memoárové literatury // Styl a tekst. Opole. 1996(6).
374. *Hoffmannová J.* Stylistika a... Současná situace stylistiky. Praha, 1997.
375. *Jedlička A.* Spislovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.
376. *Jelínek M.* K teoretickým otázkám srovnávací stylistiky slovanských jazyků // Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university, A 11. 1963.
377. *Jelínek M.* Principy srovnávání syntaktickostylistických tendencí v současné próze slovanských národů // Československé přednášky pro YI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968.
378. *Jelínek M.* Stylové rozpětí současné spisovné češtiny // Kultura českého jazyka. Liberec, 1969.
379. *Kraus I.* Styl individuální a nadindividuální, styl autora a styl kolektivu // Stylistyka. IY. Tekst i styl. Opole, 1995.
380. *Lerchner G.* Stilwandel // Stilfragen. Berlin; New York, 1995.
381. *Makuchowska M.* Struktura gatunkowa modlitwy liturgicznej // Styl a tekst. Opole, 1996.
382. *Makuchowska M.* Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole, 1998.
383. *Mazur J.* Styl i tekst w aspekcie pragmatycznym (z zagadnień teoretyczno-metodologicznych) // Socjolingwistyka IX. 1990.
384. *Mistrík J.* Slovenska stylistika. Bratislava, 1965.
385. *Mistrík J.* Štylistika slovenského jazyka. Bratislava, 1970.
386. *Mistrík J.* Žánre vecnej literatúry. Bratislava, 1975.
387. *Mistrík J.* Štylistika. Bratislava, 1985.
388. *Mistrík J.* Religiózny štýl // Stylistyka. I. Opole, 1992.
389. *Myers G.* 'In this paper we report...': Speech acts and scientific facts // Journal of Pragmatics. 1992. 17.
390. *Müllerová O.* Dialogické a monologické žánry mluvených projevů // Stylistyka. IX. Česká stylistika. Opole, 2000.
391. *Nebeská I.* Dvojí poloha pojmu jazyková norma // Naše řeč. 1992. Ř. 75. № 1.
392. *Ożdżyński G.* Niektóre cechy gatunkowe orędzia (w świetle zjawisk z kręgu nowomowy // Poradnik Językowy. 1995. 1.
393. *Paltridge B.* Working with genre: A pragmatic perspective // Journal of Pragmatics. 1995. Vol. 24.
394. *Paltridge B.* Genre, frames and writing in research settings. Amsterdam; Philadelphia, 1997.

395. *Püschel U.* Stilpragmatik – Vom praktischen Umgang mit Stil // Stilfragen. Berlin; New York, 1995.
396. *Sandig B.* Stilistik der deutschen sprache. Berlin; New York, 1986.
397. *Sandig B.* Tendenzen der linguistischen Stilforschung // Stilfragen. Berlin; New York, 1995.
398. *Schröder H.* Der Stil wissenschaftlichen Schreiben zwischen Disziplin, Kultur und Paradigma – Methodologische Anmerkungen zur interkulturellen Stilforschung // Stilfragen. Berlin; New York, 1995.
399. *Sgólka T.* Tekstowe, funkcjonalne i pragmatyczne kryteria wyodrębniania stylowych odmian języka // Synteza w stylistyce słowiańskiej. Opole, 1991.
400. *Stojanović A.* Istraživanje teksta: o interakcijama // Stylistyka. VIII. Styl i gatunek. Opole, 1999.
401. *Swales J.* Genre analysis. Cambridge, 1990.
402. *Synteza w stylistyce słowiańskiej.* Opole, 1991.
403. *Todorov T.* Les genres de discours. Pari, 1978.
404. *Witosz B.* Czy gatunek i styl są we współczesnej stylistyce pojęciami konkurencyjnymi? // Stylistyka. VIII. Styl i gatunek. Opole, 1999.
405. *Wojtak M.* Styl w perspektywie struktury tekstu (wybrane zagadnienia na przykładzie tekstów sylw) // Styl a tekst Opole, 1996.
406. *Wojtak M.* Stylistyka a pragmatyka – stan i perspektywy w stylistyce polskiej // Stylistyka. VII. Stylistyka słowiańska. Opole, 1998.
407. *Wojtak M.* Wyznaczniki gatunku wypowiedzi na przykładzie tekstów modlitewnych // Stylistyka. VIII. Styl i gatunek. Opole, 1999.